

Как пингвины спасли Веронику
Хейзел Прайор

Это Вероника Маккриди. Сноб и мизантроп восьмидесяти шести лет от роду. Она сказочно богата, но не так-то просто найти достойных наследников, если ты катастрофически одинока.

Однако, посмотрев документальный фильм о пингвинах, Вероника решает... Решается отправиться на антарктическую исследовательскую базу, и отказ она не принимает. Ведь вполне возможно, что это последнее грандиозное путешествие в ее жизни!

Хейзел Прайор

Как пингвины спасли Веронику

Hazel Prior

Away with the penguins

© Hazel Prior, 2020

© Кругликова С., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Посвящается Джонатану

Теперь пингвины – мое единственное утешение в жизни... невозможно злиться, когда смотришь на пингвина.

Джон Рёскин

1

Вероника

Баллахеи, Айршир, Шотландия

Май 2012 года

Я велела Эйлин избавиться от всех зеркал. Раньше они мне даже нравились, но теперь нет. Зеркала слишком правдивы. В них больше правды, чем женщина готова вынести.

– Вы уверены, миссис Маккриди? – ехидничает Эйлин, намекая на то, что слишком хорошо меня знает. Она постоянно так делает. Одна из ее бесчисленных дурацких привычек.

– Конечно же уверена!

Эйлин щелкает языком и склоняет голову набок, ее локоны падают на плечо. Удивительно, как ей удается так изгибаться при ее-то широкой шее.

– Даже то чудесное зеркало в позолоченной раме над камином?

– Да, даже его, – терпеливо отвечаю я.

– И все зеркала в ванной?

– Их в первую очередь!

В ванной особенно не хочется видеть свое отражение.

– Как скажете.

Тон Эйлин становится почти что дерзким.

Она приходит каждый день. В основном занимается уборкой, но ее работу нельзя назвать идеальной. Девушка разыгрывает бурную деятельность, думая, что я не замечаю грязи вокруг.

У Эйлин есть всего несколько выражений лица: веселое, любопытное, озабоченное, растерянное и отсутствующее. Сейчас она приняла озабоченный вид. Снует туда-сюда, жужжит как пчела, хватая зеркала одно за другим и выносит в коридор. Она не может закрывать за собой двери, у нее, видите ли, руки заняты, поэтому я хожу за ней по пятам и аккуратно их прикрываю. Чего просто не выношу в жизни – так это открытые двери.

Направляюсь в одну из двух гостиных – ту, что побольше. На обоях над камином теперь красуется неприличный темный прямоугольник. Придется повесить сюда что-то взамен. Написанный маслом натюрморт с овощами, например. А может, репродукцию Констебла. Она будет выигрышно сочетаться с зеленым цветом бархатных занавесок. Подойдет какая-нибудь пасторальная сцена с холмами и озером. Лучше всего, чтобы это был пейзаж, не обремененный человеческим присутствием.

– Ну вот, миссис Маккриди. Кажется, все.

Зато Эйлин хотя бы не называет меня по имени. Большинство молодых людей теперь

совсем не используют слова «мистер», «миссис» и «мисс», что, на мой взгляд, отражает прискорбное состояние современного общества. Первые шесть месяцев я обращалась к Эйлин «миссис Томпсон». Называть ее по имени мне пришлось только потому, что она очень просила. («Прошу вас, называйте меня Эйлин, миссис Маккриди. Так мне будет намного приятнее». – «Ну а ты продолжай называть меня миссис Маккриди, Эйлин, – ответила я. – Так будет намного приятнее мне».)

Без зеркал дома стало намного лучше – теперь меня не преследуют на каждом углу жуткие отражения Вероники Маккриди.

Эйлин упирает руки в бока.

– Тогда я все это убираю? Сложу их в дальнюю комнату, там как раз есть свободное место.

В дальней комнате темно и довольно прохладно, она абсолютно непригодна для жизни. Там теперь хозяйничают пауки. Эйлин приняла мудрое решение использовать ее как хранилище для всего, от чего я решаю избавиться. Девушка твердо убеждена, что необходимо приберечь эти вещи «на всякий случай».

Она таскает зеркала через кухню. Мне приходится сдерживать свое желание закрывать двери, пока она носится туда-сюда – ведь это только усложнит ей жизнь. Успокаиваю себя мыслью, что вскоре все двери снова будут закрыты.

Эйлин возвращается пять минут спустя.

– Извините, миссис Маккриди, что спрашиваю, но мне пришлось передвинуть эту коробку, чтобы уместить все зеркала в комнате. Вы знаете, что это такое, что там внутри? Вам она нужна? Я могу попросить Дуга вынести ее на мусорку в следующий раз.

Эйлин кладет деревянную коробку на кухонный стол и пялится на ржавый замок.

Я игнорирую ее расспросы и перевожу тему:

– Что за Дуг?

– Вы знаете Дуга. Это мой муж.

Я и забыла, что она замужем. Меня не познакомили с этим несчастным мужчиной.

– Нет уж, нет надобности выбрасывать мои вещи в мусорку ни в ближайшем, ни в далеком будущем, – говорю я. – Можешь пока оставить коробку на столе.

Эйлин проводит по ней пальцем, оставляя полосу на пыльной крышке. На ее лице возникает выражение номер два (любопытное). Она заговорщически наклоняется ко мне. Я отстраняюсь, так как не желаю вступать с ней ни в какой сговор.

– Я попыталась открыть замок, чтобы посмотреть, есть ли внутри что-то ценное, – признается она, – но он заперт. Чтобы открыть его, необходимо знать код.

– Я в курсе, Эйлин.

Ей, видимо, кажется, будто я тоже не имею ни малейшего представления о содержимом этой коробки. При мысли, что Эйлин могла заглянуть внутрь, у меня по коже бегут мурашки. Я решила установить замок на этой коробке как раз потому, что не хотела, чтобы другие совали туда свой любопытный нос. Только одному человеку на всей планете позволено увидеть ее содержимое, и этот человек – я.

Я не стыжусь, нет, дело не в этом. По крайней мере... Нет, не буду ворошить прошлое. В коробке спрятаны вещи, о которых мне удавалось не вспоминать десятилетиями. Теперь же один ее вид вызывает у меня дрожь. Я резко сажусь.

– Эйлин, не могла бы ты вскипятить чайник?

Часы бьют семь вечера. Эйлин уже ушла, и я осталась одна в доме. Принято думать, что люди вроде меня боятся одиночества, но я, напротив, нахожу в нем истинное удовольствие. Конечно, время от времени присутствие других необходимо, но люди почти всегда меня утомляют.

Сейчас я сижу у камина в кресле в стиле королевы Анны. Это моя «уютная», более интимная гостиная. Увы, камин здесь не настоящий, ни с дровами и углем, а электрический, лишь имитирующий огонь. Пришлось смириться с этим так же, как и со многим другим. Зато камин хотя бы справляется со своим главным назначением – он греет комнату. В Айршире обычно довольно прохладно, даже летом.

Я включаю телевизор. На экране появляется тощая девушка, которая яростно жестикулирует и надрывает голосовые связки, завывая что есть мочи. Я торопливо переключаю каналы. Пропускаю викторину, детективный сериал и рекламу кошачьей еды. Когда я возвращаюсь на Первый канал, девушка все еще вопит «Я – титан». Кто-то должен рассказать ей, что это не так. Она просто глупая, крикливая, испорченная девчонка. Какое облегчение, когда она наконец-то замолкает. Начинается программа «Вопросы планеты Земля», единственное, что стоит смотреть по телевизору. Все остальное там – это секс, реклама, знаменитости, участвующие в викторинах, знаменитости, которые готовят, знаменитости на необитаемом острове или в тропическом лесу, знаменитости, которые берут интервью у других знаменитостей и всякие недотепы, которые из кожи вон лезут, чтобы стать знаменитостями (обычно им удается лишь выставить себя идиотами). Программа «Вопросы планеты Земля» – долгожданное отдохновение от всего этого, программа, которая наглядно показывает, насколько животные разумнее людей.

К своему сожалению я узнаю, что текущий сезон «Вопросов планеты Земля» закончился и вместо него теперь программа под названием «Тяжелая участь пингвинов». Радостно отмечаю, что программу ведет Роберт Сэдлбоу. Этот человек – живое доказательство, что иногда можно стать знаменитостью заслуженно. В отличие от большинства звезд он действительно кое-чего добился. Например, несколько десятилетий колесил по свету с кампанией по привлечению внимания к проблемам окружающей среды. Он один из немногих людей, к которым я испытываю некоторое уважение.

В этот вечер Роберт Сэдлбоу на экране моего телевизора закутан в плащ с капюшоном и стоит посреди белой пустыни. Снежинки кружатся у его лица. За ним – кучка темных силуэтов. Камера приближается, и оказывается, что это пингвины, собравшиеся в одну огромную стаю, напоминающую бурлящий поток воды. Некоторые из

них жмутся друг к другу, другие спят на животах, третьи заняты своими делами, но не покидают группу.

Мистер Сэдлбоу рассказывает мне, что на планете существует восемнадцать видов пингвинов (девятнадцать, если считать Белокрылого малого голубого пингвина отдельным видом), многие из них находятся под угрозой исчезновения. Во время съемок программы, сообщает ведущий, он проникся безграничной любовью и уважением к этим птицам – ко всему семейству в целом, к каждому виду и каждому пингвину в отдельности. Они живут в самых суровых условиях на планете и ежедневно принимают вызовы судьбы с таким азартом, что многим людям стоило бы поучиться у них.

– Какой трагедией для нашей планеты станет потеря даже одного из видов! – сокрушается Роберт Сэдлбоу, устремив свои голубые глаза прямо на меня.

– И правда трагедией! – соглашаюсь я. Если Роберт Сэдлбоу так переживает за пингвинов, то и мне стоит последовать его примеру.

Ведущий рассказывает, что каждую неделю он будет выбирать один из видов и рассказывать о его особенностях и отличиях от других. Эта неделя посвящена императорскому пингвину.

Я ошеломлена. Оказывается, каждый год императорские пингвины преодолевают около семидесяти миль по ледяной пустыне, чтобы добраться до места размножения. Это по-настоящему впечатляющее достижение, особенно если учесть, что пешие прогулки – явно не их конек. Они ходят точно как Эйлин, неуклюже перебирают лапами, без единого намека на грациозность и изящество. Кажется, будто им неудобно в собственной шкуре. Однако же их целеустремленность поражает. Когда программа подходит к концу, я поднимаюсь на ноги. Должна признать, мне это дается не так тяжело, как многим другим, дожившим до моих лет. Я бы даже назвала себя бойкой. Мне прекрасно известно, что на мое тело уже нельзя положиться. В прошлом оно работало безукоризненно, как машина, но теперь ему явно не хватает пластичности и выносливости. Я должна быть готова к тому, что однажды, в недалеком будущем, оно подведет меня окончательно. Но пока я чувствую себя на удивление прекрасно. Эйлин в своей очаровательной манере беспрестанно повторяет, что я «крепкая как камень». И каждый раз меня так и подмывает ответить ей: «...которым хочется вас огреть, моя дорогая». Но я сдерживаюсь. Нужно стараться избегать грубости любой ценой.

На часах двадцать пятнадцать. Я направляюсь на кухню, чтобы выпить вечернюю чашечку дарджилинга и съесть вафлю с карамелью. Мой взгляд падает на деревянную коробочку, которая все еще стоит на столе. Я размышляю, а не набрать ли код на замке и не заглянуть ли внутрь. Это нелогично и даже в каком-то смысле нездорово, но мне хочется это сделать. Нет, дурацкая затея. Произойдет в точности как с Пандорой в том мифе – это тут же выпустит наружу тысячу демонов. Коробка абсолютно точно должна вернуться обратно к паукам, мне не стоит даже прикасаться к ней.

Вероника

Жизнь стала просто невыносимой. Сегодня утром я попыталась сотворить на голове некое подобие прически, но это оказалось не так-то просто без зеркала. Я вернулась в спальню, но выяснилось, что и оттуда зеркало испарилось. Как и в коридоре, и в гостиной.

Я принимаюсь за завтрак, с раздражением размышляя, куда же могли подеваться зеркала.

В девять утра объявляется Эйлин.

– Доброе утро, миссис Маккриди! Какой чудесный сегодня день!

Она такая радостная, это даже раздражает.

– Что ты сделала с моими зеркалами?

Эйлин медленно поворачивает голову, точно лягушка.

– Я сложила их в дальней комнате, как вы мне и велели!

– Какая ерунда! Как же мне причесываться и наносить макияж без зеркала? – Какое все-таки неразумное существо. – Не могла бы ты сегодня первым делом вернуть их на место?

– Их все?

– Да, все до единого.

Она обиженно вздыхает.

– Как скажете, миссис Маккриди.

Именно так, как скажу. Надо полагать, зарплату я ей плачу не просто так.

До меня слишком поздно доходит, что деревянная шкатулка с секретом по-прежнему на кухонном столе, а ведь Эйлин надо всюду сунуть свой нос.

– Значит, и вам она не поддалась? – произносит она, едва завидев коробочку. Видимо, думает, что мне просто не удалось ее открыть. – Я могла бы попросить Дуга спилить замок ножовкой, если вы не помните код.

– Я помню код, Эйлин. Моя память безупречна. Я могу наизусть цитировать целые строфы из «Гамлета», а я заучила их еще в школе. – Она закатывает глаза. Ей кажется, что я не заметила, но я все вижу. – Не хочу, чтобы какой-то там Дуг возился с моей коробочкой, – продолжаю я. – Было бы чудесно поскорее увидеть все зеркала на своих местах.

– Конечно, миссис Маккриди. Как вам угодно.

Я наблюдаю, как девушка вытаскивает зеркала из дальней комнаты и возвращает их на прежние места, причитая себе под нос.

Когда все зеркала вновь там, где им положено быть, я принимаюсь за прическу. Волос у меня осталось не так уж много, да и те, что есть, почему-то совсем побелели, но я люблю, чтобы они выглядели опрятно. Однако лицезреть свое отражение мне не нравится. Не самое приятное зрелище, особенно если вспомнить, какой я была в молодости. Давным-давно там правда было на что посмотреть. Меня называли «настоящей красавицей», «сногшибательной» и «ослепительной». Теперь от былой красоты не осталось и следа, замечаю я, проводя расческой по своим жидким волосам. Кожа истончилась и обвисла. Лицо испещрено морщинами. Нависшие веки. Скулы, которые когда-то украшали мое лицо, теперь уродливо выпирают. Давно пора свыкнуться с этими отвратительными недостатками, но мне все еще больно видеть себя такой.

Я делаю все возможное, чтобы выглядеть лучше, – наношу помаду, пудру и румяна. Но факт остается фактом – я ненавижу зеркала.

Ветер пронизывает насквозь. Такой дикий влажный ветер встречается только в Шотландии. Я укутываюсь в пальто и решаю пойти на север по прибрежной дороге. Всегда считала, что ежедневные прогулки полезны и какой-то непогоде уж точно меня не остановить. По левую сторону пенится море, рисуя на берегу причудливые узоры, фонтаны брызг взмывают в воздух.

Благодаря трости я могу крепко ступать по неровной земле и песку. Я захватила с собой и сумочку цвета фуксии с золотой отделкой, но теперь она неприятно бьется о бедро. Нужно было оставить ее на крючке в прихожей, но никогда не знаешь, пригодятся ли тебе носовой платок или обезболивающее. Еще я взяла щипцы для сбора мусора и небольшой пакет. Всю свою жизнь я собираю мусор, потому что однажды мой отец сказал мне: «Этот небольшой жест помогает нам помнить о мире вокруг и немного искупить вину за хаос, который принес в него человек».

Даже на скалистом побережье Айршира человечество умудрилось оставить свой след.

Не так-то просто орудовать палкой и одновременно тащить пакет для мусора, сумочку и щипцы, особенно в такой ветер. Суставы начинают ныть от напряжения. Я стараюсь распределить вещи так, чтобы во время очередного порыва ветра они поддерживали меня, а не тянули назад.

Высоко в небе раздается крик чайки, через секунду птица скрывается за облаком. На мгновение я замираю, чтобы насладиться красотой морского пейзажа во время бури. Обожаю скалы, волны и дикую природу. Вдруг я замечаю, как что-то красное раскачивается на волнах. Это что – упаковка от чипсов? Или от печенья? В молодости я бы бросилась вниз на пляж, забралась бы в воду и достала ее, но теперь, увы, я на такое уже не способна. Брызги летят мне в лицо и стекают по щекам, словно слезы.

Людей, которые бросают мусор на природе, нужно расстреливать.

Я с боем возвращаюсь домой, преодолевая порывистый ветер. Оказавшись у главных ворот, я чувствую, что совсем выбилась из сил.

Ко входу в Баллахеи ведет внушительных размеров подъездная дорога – дом окружает раскинувшийся на трех акрах сад. Большая часть сада обнесена стеной, и за это, кстати, я особенно люблю это место. За этими стенами прячутся кедры, сад камней, фонтан, несколько статуй и четыре клумбы. За ними ухаживает мой садовник мистер Перкинс.

Подойдя к дому, я поднимаю глаза, чтобы насладиться его величественным видом. Баллахеи – это увитый плющом особняк в позднем якобинском стиле, его стены выложены кирпичом и камнем. Дом с двенадцатью спальнями и несколькими скрипучими дубовыми лестницами явно не лучшее место для меня. Содержать его – непростая задача. Штукатурка осыпается, и ужасно просел фундамент, а на чердаке завелись мыши. Я купила его в 1956 году просто потому, что могла себе это позволить. Мне нравится, что дом расположен в уединенном и живописном месте, поэтому я так и не решилась переехать.

Захожу внутрь, оставляю на веранде пакет и щипцы, вешаю пальто.

Как только я переступаю порог кухни, мой взгляд сразу падает на шкатулку. Снова эта проклятая коробочка. Ведь почти забыла о ней. Я сажусь за стол. Смотрю на коробку, а она – на меня. В комнате царит напряжение. Эта вещь будто насмехается надо мной, подначивает, бросает вызов.

Но Вероника Маккриди не боится вызовов.

Я заставляю себя открыть шкатулку. Поворачиваю механизм и набираю цифры одну за другой. Поразительно, как я безошибочно восстановила в памяти код. Один девять четыре два: 1942. Я все еще помню. Замок плохо поддается, но это не удивительно: все-таки семьдесят лет прошло.

Первым на глаза попадает медальон. Маленький, овальный, с выгравированной на потускневшем серебре буквой «V» с вензелями, на тонкой изящной цепочке. Я беру ее в руки. Не сообразив, что нужно остановиться, я нажимаю на защелку, медальон открывается. Горло сжимается, из груди вырывается произвольный стон. Все четыре образца на месте, как я и думала. Какие же крошечные – как раз чтобы поместиться внутрь медальона. Они кажутся такими хрупкими.

Я не заплачу, нет. Ни в коем случае. Вероника Маккриди не плачет.

Я рассматриваю содержимое медальона: пряди волос четырех людей. Две из них переплетены – коричневая и каштановая. Третья – очень темная прядь роскошных волос, которые я так часто целовала в молодости. Рядом с ней прячется крошечная прядка, совсем тонкая и светлая, почти прозрачная. Не могу дотронуться до нее. Я захлопываю медальон, закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, дышу. Считаю до десяти. Снова открываю глаза. Аккуратно прячу медальон обратно в коробку.

В ней лежат два черных блокнота в кожаных переплетах. Я беру их в руки. Такие знакомые на ощупь. И то, как они пахнут – резкий аромат старой кожи, смешанный с парфюмом с нотками ландыша, – раньше я носила такие духи.

Я уже не могу остановиться. Открываю первый блокнот. Страницы сверху донизу исписаны размашистым почерком. Я прищуриваю глаза и ухитряюсь прочитать несколько строк без очков. В подростковом возрасте я была не в ладах с орфографией, но почерк был намного аккуратнее, чем сейчас. Закрываю блокнот.

Я должна прочесть его, и я прочту, но перед этим нужно собраться с духом.

Завариваю себе большой чайник эрл грея и раскладываю на тарелочке имбирное печенье. Для такого случая у меня как раз припасен веджвудский фарфор с гибискусами. Отношу все в гостиную на сервировочной тележке. Затем усаживаюсь в кресло в эркере. Съедаю два печенья, выпиваю чашечку чая и наливаю себе еще одну, прежде чем взять первый блокнот в руки. Я не открываю его еще около пяти минут. Затем надеваю очки для чтения.

И как в открытое окно врываются солнечный свет и свежий летний воздух, так и передо мной возникает моя юность: нежная, живая, вся как на ладони. И хотя я точно знаю, что будет невыносимо больно, я не могу удержаться и начинаю читать.

3

Вероника

Баллахей

В молодости я бы просто бежала. Бежала бы, кричала что есть мочи, крушила все на своем пути. Но теперь так уже нельзя. Мне остается только потягивать чай и предаваться размышлениям.

Я прочитала все за одну ночь и теперь пребываю в полной растерянности. Оставшись наедине с пятнадцатилетней Вероникой на несколько часов, я будто бы вновь выпустила наружу дикую, более раннюю версию себя. Это странно и до жути неприятно, будто кто-то копается в моей голове. Все эти годы я подавляла в себе воспоминания. Теперь же, будто пытаюсь наверстать упущенное, они нахлынули на меня бурным потоком и не желают оставлять в покое.

Но вместе со смятением и беспокойством в моей голове поселилась и навязчивая идея. Она не покидает меня во время завтрака. И когда приходит Эйлин. И когда я прогуливаюсь перед обедом, когда читаю Эмили Бронте, когда обедаю пирогом с лососем, и во время тихого часа, и когда срезаю розы для обеденного стола. Позже я подпиливаю ногти и понимаю, что не успокоюсь, пока не узнаю ответ на вопрос.

Возвращаюсь в спальню. Я положила дневники обратно в коробку и заперла ее на замок. Оставила только медальон, теперь он спрятан под подушкой.

Достаю его, сжимаю в руках и снова глажу цепочку. На этот раз не открываю его, но думаю о самой тонкой, светлой пряди. Мне стоит немалых усилий снова сдержать поток эмоций. Ну же, думай!

Сегодня часы тикают особенно громко. Мне не нравятся часы, но без них нынче, как без политиков и парацетамола, не проживешь. Я вынимаю слуховой аппарат. Тиканье часов затихает. Наконец-то можно спокойно подумать.

К моменту, когда Эйлин заканчивает работу, я уже все решила.

Спускаюсь на кухню, беру несколько предметов из своего четвертого лучшего фарфорового сервиза и завариваю чайничек крепкого английского чая. Я предпочитаю заваривать чай самостоятельно. Никто не делает этого лучше меня.

– Присядь-ка, Эйлин. Кажется, у меня есть к тебе просьба. – Она плюхается на стул и что-то бормочет под нос. – Не могла бы ты говорить громче?

– Что случилось с вашим слуховым аппаратом, миссис Маккриди? – кричит она в ответ, бешено жестикулируя и показывая пальцами на уши.

– В спальне, наверное. Не могла бы ты...

– Конечно.

Она встает и выбегает из комнаты.

– Эйлин, дверь!

– Но я ведь вернусь через... Впрочем, неважно, – отмахивается она и захлопывает за собой дверь. Через секунду она возвращается обратно с моим слуховым аппаратом в руках, на этот раз не забыв про дверь.

Я вставляю слуховой аппарат и наливаю нам по чашке чая.

Эйлин снова усаживается и громко хлюпает. Я делаю небольшой глоток и собираюсь с мыслями. От этого решения будет зависеть, каким будет то недолгое будущее, что мне уготовано.

Меня нельзя назвать суеверным человеком. Я не боюсь передавать вещи через порог и абсолютно равнодушна к черным кошкам, перешли они мне дорогу или нет. Но еще ни разу в жизни я не составляла завещание. Это, как мне всегда казалось, точно не к добру. При этом я прекрасно понимаю, что если не оставлю никаких указаний, то мое состояние достанется государству или еще какому-то нежелательному бенефициару. Дожив до восьмидесяти лет, я пришла к выводу, что пора изучить этот вопрос более детально. Вполне вероятно, что эта смертная оболочка позволит мне пожить еще лет пятнадцать. Возможно, королева пришлет мне поздравительную открытку на сотый день рождения. А может и нет. Насколько я знаю, у меня нет ни одного кровного родственника в этом мире. Но, вернувшись в прошлое, я поняла, что обстоятельства моей жизни не позволяют быть уверенной в этом на сто процентов. Для создания нового человека много ума не надо.

Не каждое рождение отмечается большим праздником, и в мире наверняка тысячи отцов, которые даже не подозревают о своих детях. Этот маленький, но неоспоримый факт просто сводит меня с ума. Я во что бы то ни стало намерена найти ответ. И начать поиски я планирую прямо сейчас.

Эйлин сидит напротив меня, вцепившись в кружку с отсутствующим выражением лица. Я замечаю, что сегодня ее кудри еще более растрепанные и непослушные, чем обычно. Мне бы очень хотелось, чтобы она как-то решила эту проблему.

– Эйлин, я должна попросить тебя о кое о чем. Не могла бы ты с помощью своей интернет-штуковины найти мне надежное и уважаемое агентство?

– Конечно, миссис Маккриди, как вам угодно. Какое агенство вам нужно? – Она

пытается скрыть улыбку, потягивая чай из кружки. – Бюро знакомств?

Я не в настроении реагировать на эти глупости.

– Не говори ерунду! Нет, мне нужно агентство, которое сможет отыскать информацию о давно потерянных родственниках.

Эйлин хватается руками за свое напудренное белое лицо, ухмылка сменяется изумлением.

– О, миссис Маккриди! Думаете, где-то на свете есть ваши родственники?

Она нетерпеливо ждет подробностей. Я же не намерена рассказывать ей что-то еще. В моем возрасте пора уже делать то, что хочется, а не отчитываться перед всеми вокруг.

– Значит, вы хотите, чтобы я поискала агентство. Что-то вроде тех, что занимаются поиском пропавших родственников?

– Да, что-то в этом роде. Используй этот свой гугл-чего-то-там или любые другие средства. Это должно быть проверенное и надежное агентство, – предупреждаю я экономку. – С хорошей репутацией и послужным списком. Буду очень благодарна, если ты позаботишься об этом.

– Конечно, миссис Маккриди. Как волнительно! – кудахчет она.

– Ну, волнует тебя это или нет, но мне бы очень хотелось как следует изучить вопрос. Я была бы бесконечно обязана тебе, если бы ты достала мне адрес и номер телефона как можно скорее.

– Без проблем, миссис Маккриди. Поищу сегодня же, как только доберусь до дома. Уверена, я смогу найти все что нужно. И добуду номер и адрес к завтрашнему дню.

– Чудесно. Спасибо, Эйлин.

* * *

Я щелкаю выключателем. Искусственное пламя тут же загорается оранжевым светом. Затем включаю телевизор, чтобы посмотреть «Вопросы планеты Земля», мою любимую передачу, но обнаруживаю, что ее заменили на какой-то документальный сериал про пингвинов. Кажется, припоминаю, недавно я смотрела что-то подобное. Уверена, пингвины помогут мне отвлечься от неприятных мыслей, досаждавших мне на протяжении дня.

На этой неделе мы наблюдаем за королевскими пингвинами. Признаюсь, я очарована этими необыкновенно смелыми, но все же нелепыми существами. Камера показывает, как один из пингвинов теряет яйцо – оно катится по склону и падает в крутой, неприступный овраг, и я вижу, как горюет несчастное создание, в отчаянии обращая свой клюв к небесам. Это по-настоящему трогает меня.

Роберт Сэдлбоу с чувством рассказывает о массовом сокращении популяции пингвинов в последние годы. Скорее всего, это связано с изменениями окружающей среды, но нужны дополнительные исследования.

Не хочу даже думать, что однажды эти благородные красивые птицы могут исчезнуть с лица земли.

Снова вспоминаю слова своего отца, которые он повторял мне, и когда я была еще совсем маленькой девочкой, и когда стала постарше. Мне почти удается воскресить в памяти то, как он произносил их своим серьезным мягким голосом.

– В мире есть три типа людей, Вери. – Он называл меня Вери. – Те, кто делает мир хуже, те, кто никак его не меняет, и те, кто делает мир лучше. Будь человеком, который делает мир лучше, если сможешь.

За свою жизнь я встретила всего несколько человек, которых можно было отнести к последнему типу. Да и мне самой не слишком удалось сделать мир лучше. Я решила так трактовать эти три типа: люди, которые бросают мусор на природе; люди, которые игнорируют мусор, и те, кто поднимает мусор, брошенный другими людьми. Мне удавалось успокоить свою совесть с помощью щипцов для мусора и пакетов. А в остальном не могу сказать, что моя жизнь оказалась хоть сколько-нибудь полезной.

Но тут в моей голове неожиданно зарождается план. Вполне возможно, что моя кончина может принести хоть немного пользы. Пока не доказано обратное, я смею полагать, что у меня нет никаких кровных родственников. Было бы неплохо хотя бы немного помочь нашей планете. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне нравится эта идея.

Когда я готовлюсь ко сну, мое намерение превращается в одержимость. Мне не хватает терпения доковылять до листа бумаги и ручки. Поэтому я хватаю первое, что попадает под руку, и поскольку я в ванной, это оказывается карандаш для бровей. (Да, даже в таком преклонном возрасте я не отказываю себе в самолюбовании. Мои настоящие брови представляют собой несколько жалких седых волосков, поэтому почти каждое утро я слегка их подкрашиваю). Я пишу карандашом для бровей слово «ПИНГВИНЫ» в правом нижнем углу зеркала.

Моя память безупречна – и я постоянно читаю наизусть строки из «Гамлета», чтобы лишний раз удостовериться в этом, но все же если есть то, что мне необходимо держать в голове, не лишним будет написать напоминание где-нибудь на видном месте.

Будни пингинов

3 ноября 2012 года

Готовы узнать поближе пингинов Адели?

У этих птиц есть один романтический ритуал. Самцы пингинов добиваются расположения самок с помощью подарка: специального, тщательно выбранного камушка. Разве она сможет остаться равнодушной? Не только перед подарком, но и перед затеянным представлением: самец будет запрокидывать голову, выпячивая грудь, и громко кричать – если вы самка пингина, то, конечно же, не сможете устоять.

Если самцу повезет, то, когда самка вернется с моря, он успеет приготовить прекрасное новое гнездышко. Вообще камушек, который пингвины дарят друг другу, символизирует не только любовь и преданность. Галька – самая ценная валюта, первый камешек, заложенный в фундамент семейного гнезда. Пингвины не гнушаются и воровством. Мы стали свидетелями нескольких забавных инцидентов, когда пингвины воровали камни из гнезд соседей, пока те отворачивались.

Многие пары сейчас счастливо воссоединились после разлуки. Вообще Адели – верные ребята. Но иногда встречаются особые случаи. Вот, например, есть один необычный пингвин. Все Адели обычно выглядят одинаково, но как вы сможете увидеть на фото, одного мы всегда отличим от других, даже на расстоянии. Обычно у представителей этого вида грудь и брюхо белого цвета, а остальные части тела черные. Этот же – почти полностью черный. Несколько более светлых перышек можно найти только у него на подбородке. Его пара – обычная черно-белая самка – провела с ним последние четыре сезона. Но где же она теперь? Не пережила антарктическую зиму? Или ее съел морской леопард? Или перед нами редкий в среде пингвинов случай супружеской неверности? Вряд ли мы узнаем ответ. Как бы то ни было, Уголек (мы называем его Уголек) теперь сидит в своем гнездышке один-одинешенек.

4

Патрик

В своей квартире в Болтоне

Май 2012 года

Снова и снова. Все, блин, песни про одиночество, которые я когда-либо слышал, теперь одна за другой звучат у меня в голове.

Прошло две недели. Две проклятые мучительные чудовищные недели – и ни слова от нее. Черт, после четырех лет отношений я ждал хотя бы какого-то объяснения. Но нет, это не в стиле Линетт. Собрала все свои вещи и просто испарилась из моей жизни. Ни записки, ничего. Насколько мне известно, я не сделал ничего плохого, по крайней мере не в последнее время. Ничего такого, что могло бы ее взбесить. Разве я забыл вынести мусор? Нет. Оставил сопливый носовой платок в постели? Нет. Облизал тарелку после обеда? Нет. Мы даже не ссорились. По крайней мере в тот день.

Я даже не подозревал, что могло взбесить ей в голову. Только когда Гэв сказал мне, что увидел их идущими за ручку, все стало ясно как белый день. Я немного поспрашивал в округе – в велосипедном магазине, пабе и всех возможных рассадниках сплетен в Болтоне, которые пришли мне на ум. Оказалось, что он каменщик – ну, этот парень, к которому она ушла. Весь из себя качок. Часто торчит в забегаловках и возмущается, что поляки и пакистанцы крадут наши рабочие места.

Линетт, Линетт, Линетт! Ты вонзила мне нож в сердце! На кой черт тебе сдался этот каменщик-расист? Тебе, со всеми твоими дипломами по антропологии и дизайнерскими джинсами и идеальным каре с челкой, как у Клеопатры. Тебе, человеку помешанному на трудовой этике и на позитивном мышлении и на том, что все-в-мире-должно-быть-правильно. Ты предала собственные моральные принципы. Ты поменяла горы книг на гору мускулов. Как ты могла?!

Что же остается мне? Ладно, я скажу. Я на дне. Ты превратила меня в человека, помешанного на здоровье. Линетт приучила меня готовить все эти суперполезные блюда с овощами и фруктами. Теперь тебе, наверное, глубоко плевать, но я сижу на диете, состоящей из пива, чипсов и торта. Мои мускулы, которыми, признаться, я еще недавно гордился, покрываются жирком. Как и живот. Каждый день он обрастает новым слоем жира. Еще немного, и эта тощая жалкая секс-машина превратится в желе. Спасибо тебе за все, Линетт. Отличная работа.

Три недели без Линетт. Когда все пошло не так? Может, дело во мне? Наверное. Я знаю, Линетт была не в восторге от того, что я взял на себя готовку. Хотя ей и нравилось приходить домой с работы и находить на столе изысканный ужин, но в то же время кухня была ее территорией. Это Линетт купила кофемашину, и сковородку, и соковыжималку. Это она звонила хозяину квартиры каждый раз, когда ломалась посудомоечная машина. Если подумать, то она чересчур все контролировала. Или это моя вина?

Конечно, иногда мы ссорились. Но мне казалось, что это неважно. Я думал, что она та самая. Я обожал ее. Хотел быть с ней.

Мне никак не удастся выбросить ее из своей тупой башки. Линетт словно призрак, который бродит по квартире. Вот она наклонилось над романом Маргарет Этвуд, ее волосы ниспадают на страницы. А вот на лестнице раздается ее громкий смех. Теперь я вижу, как она, покачиваясь на высоких каблуках, засыпает корм в аквариум нашего единственного питомца – золотой рыбки по имени Горацио, которую она забрала с собой. Я окончательно съехал с катушек. Никак не получается прийти в себя. Но я бы ее не простил. Даже если бы она умоляла. Даже если бы сняла с себя всю одежду и обложилась тарамасалатой.

Я сильно опоздал на работу в понедельник, на целых полчаса. Ввалился в магазин с мешками под глазами, грязью под ногтями и вонючим запахом перегара.

– Лучше, видимо, не стало? – спросил Гэв. Это в его стиле. Ни малейшего намека на упрек, хотя он владелец этого веломагазина, построил его с нуля и дорожит им как... ну почти так же, как женой и детьми. Ему едва удастся наскрести денег, чтобы оплатить мне один рабочий день в неделю, и если бизнес накроется из-за того, что я расклеился, это будет моя вина.

– Прости, дружище, – пробормотал я в ответ.

– Просто невыносимо видеть тебя таким, Патрик, – говорит он, положив руку мне на плечо.

– Что-нибудь нужно починить?

– Да, есть парочка велосипедов на заднем дворе.

Я пробираюсь во двор, радуясь перспективе провести целый день с маслом, шинами и латексным сердечником.

Но все утро у меня из головы не выходит вопрос: просит ли Линетт этого строителя сделать то, что делал ей я, и лучше ли у него получается. Ему это нравится или кажется унижительным? Неужели она так же откидывает назад свои соблазнительные волосы и смеется своим хриплым, сексуальным смехом?

От этих мыслей у меня затряслись руки. Я никак не мог приспособить цепь, она все время выскальзывала из рук. Черт, мне так нужно было покурить травки...

Немного травки... Эта мысль появилась в моей голове и начала преследовать меня. Я отдал бы сейчас что угодно, буквально все, за косяк. Моя заначка закончилась сто лет назад, и я больше не возвращаюсь в тех кругах. Но ведь есть Джудит...

Четыре недели без Линетт. Хозяин квартиры выставил меня на улицу. Ну, я ведь в любом случае не мог платить за аренду, так ведь? Без стабильной зарплаты, которую Линетт выплачивали в «Беннингфилд Солиситорс», точно нет. Думал, что окажусь на улице, но, видимо, мне повезло. Снял комнату у друга Гэва. Гэв поспрашивал у знакомых ради меня. Он всегда так делает. Весь из себя святоша, но он хороший парень. По-настоящему добрый. Гэв не навязывает религию другим людям. Иначе бы я сбежал из веломагазина раньше, чем вы успели сказать «велосипедный зажим».

Мое новое жилище располагается на втором этаже полуразвалившегося дома, и пара, которая живет подо мной, ссорится днями напролет, но у меня теперь хотя бы есть диван под жопой и телек. Комната, конечно, намного хуже моей прежней квартиры, но зато цена за аренду здесь в пять раз меньше. Я все еще мучаюсь, и кажется, что внутри у меня выжженное поле. Видимо, это и есть чертова любовь. Выходит, я любил Линетт даже больше, чем думал.

Терпеть не могу каменщиков.

Я встретился с Джудит (бывшей, которая все еще разговаривает со мной) во вторник. Она не желала расставаться ни с одним кустом марихуаны, но мое сомнительное обаяние и толстая пачка денег сделали свое дело. В волосах у Джудит появилась прядь синих волос, и она выглядела вполне себе ничего, даже несмотря на костлявость и сальные волосы. Мы выкурили косяк и перекусили чипсами, я даже подумал, что мы могли бы переспать по старой памяти, но нет. Она сказала, что ей лень. Тем более теперь ей больше нравятся девушки.

В общем, вышел я от нее с шишками марихуаны и – поскольку теперь я не могу себе позволить постоянно покупать дурь – еще и набором по самостоятельному выращиванию травки дома, состоящим из двух пышных растений в горшках в придачу. Мои малыши. Дал им имена – Труляля и Траляля (видимо, я скучаю по золотой рыбке больше, чем кажется). Я придвинул стол к подоконнику и поставил на него горшки,

чтобы листья могли греться на утреннем солнце. И еще направил на них мощную лампу. Счета за свет, конечно, будут немаленькие, но ничего не поделаешь. Я уже выкурил несколько шишек. Настоящее блаженство. Сами понимаете. Стресс буквально испарился. Мне стыдно, что я снова ступил на этот путь. Придется экономить, пока травка не подрастет. Я по-прежнему разбит. Моя квартира раздолбана, как и моя жизнь, и все, к чему я прикасаюсь. В понедельник спросил у Гэва, почему он до сих пор не вышвырнул меня.

– Без понятия, приятель, – ответил Гэв.

– Можешь в любой момент выгнать меня, если хочешь. Я не обижусь.

– Хм, я бы так и поступил... только вот ты знаешь все о велосипедах и можешь починить то, что другим не под силу... ну и если бы я дал тебе две булавки, аккумулятор и морковку, ты смог бы смастерить из них чертов адронный коллайдер или что-то типа того. А еще ты честный, трудолюбивый и – в последнее время уж точно – надежный.

– Зато я срываюсь на покупателей, – говорю я.

Не могу заставить себя повторять одну и ту же шарманку. Ну, знаете, все эти: «Добрый день, мадам, какой у вас прекрасный велосипед! Что с ним не так? О, да, конечно же мы исправим это в два счета. Конечно, я покажу вам, как накачивать колесо. Нет, не переживайте. Оно не взорвется». Кажется, я потерял сноровку.

Среда. Беспольный день. Из-под шторы проглядывает полоска света. Думаю, сегодня утром я ненадолго выберусь на улицу, прежде чем засесть на весь день перед телеком.

Направляюсь вниз по лестнице в общий коридор. На полке, куда парень из нижней квартиры сваливает всю почту, я замечаю письмо. Все внутри меня сжимается при виде моего имени на конверте. Видимо, письмо от Линетт, потому что мне никогда не приходит почта. Только электронная. Но взяв себя в руки, я понимаю, что письмо не от нее. У Линетт почерк школьной учительницы: узкий, аккуратный и идеально ровный – будто она пытается что-то кому-то доказать. А на конверте все буквы наискосок. Выведены каллиграфическим почерком. Чернилами, а не ручкой. Очень тонкие линии. Этот почерк тоже аккуратный, но острый, буквы будто выцарапаны иглой. А марка на нем... Я даже не знаю. Типа шотландская или что-то вроде того. Письмо отправили на мой прежний адрес, но хозяин, видимо, переправил его сюда. Удивительно, что не поленился.

Я вскрываю конверт. Внутри письмо, написанное тем же старомодным почерком:

Дорогой Патрик,

надеюсь, у вас все в порядке? Пишу вам с новостями, которые удивят вас так же, как удивили меня. Одно уважаемое агентство провело расследование, благодаря которому я получила к сведению важную информацию о моем потерянном сыне. Естественно, я подвергла сомнению правдивость этой информации, но, кажется, она может быть подтверждена несколькими неопровержимыми доказательствами:

свидетельствами о рождении, данными переписи населения и другими официальными документами.

Моего сына в детстве отдали на усыновление. К сожалению, его уже нет в живых, но без моего ведома и, видимо, уже в позднем возрасте он встречался с женщиной, которая родила ему ребенка. Насколько мне известно, этот ребенок – вы. И хотя мы никогда не встречались, мы с вами состоим в близком кровном родстве – я ваша бабушка.

Вы наверняка догадаетесь, что я уже не так юна, как раньше, но все равно хотела бы познакомиться с вами. Я вполне здорова и готова приехать в гости, если вы не против.

С надеждой на скорый ответ

и с наилучшими пожеланиями

Вероника Маккриди

5

Патрик

Болтон

Июнь 2012 года

И что, черт возьми, я должен делать с этой информацией? Новая бабушка? Это точно не то, что мне сейчас нужно. Уж точно не одно из моих заветных желаний. Особенно если учесть тот факт, что она – мать моего отца, а я, давайте будем откровенны, никогда его особо не любил. Что логично, учитывая то, как он поступил с мамой.

Я тащусь вверх в комнату, комкаю письмо и бросаю в мусорное ведро. Оно пролетает мимо и падает на пол рядом с грудой грязного белья. Здесь нет стиральной машины. Рано или поздно мне все-таки придется взять себя в руки и найти поблизости прачечную.

Я записал себе несколько серий «Топ Гира», поэтому решаю посмотреть их, а затем пару эпизодов передачи «Кто хочет стать миллионером?». Мне нравятся развлекательные шоу. Какой смысл смотреть эти бесконечные программы про смерть, депрессию и убийства. Это никак не поможет вам в жизни, верно? Только заставит зря переживать.

Я успешно прожил первую треть этого дня, почти не думая о Линетт, это хороший знак. Встаю с дивана, потягиваюсь и подхожу к окну. Отсюда видно только грязные кирпичные стены и водосточные трубы. И какое-то потрепанное невзрачное деревце.

Небо мрачно нависает над крышами домов. Солнце ненадолго выглянуло утром, а затем, видимо, снова устроило забастовку.

Труляля и Траляля чувствуют себя хорошо. Есть несколько прелестных маленьких побегов, которые так и ждут, пока их срежут, высушат и скурят. Просто чудесно. Растения соблазнительно улыбаются мне.

– Нет-нет, прекратите, еще не время, – говорю я им и поднимаю чертову бумажку с пола. Тщательно разглаживаю смятое письмо и перечитываю.

Эта женщина совсем свихнулась. В каком веке она живет? «Я подвергла сомнению правдивость этой информации...», «...не так юна». Это что – розыгрыш? Или она и в самом деле моя бабушка? Кажется, она провела основательное расследование, прежде чем мне написать.

Я никогда даже не пытался отыскать своего отца. Он того не стоит. Не могу вспомнить о нем ничего конкретного, но что я точно знаю: ему было абсолютно наплевать на меня и мою мать. Бедная мама. Этот ужасный день... Хочется стереть его из памяти.

Я стою и как идиот пялюсь на письмо Вероники Маккриди. Семья. Это ведь что-то хорошее, да? Но запутанное. А я уже в полном раздрае. И вдруг в двадцать семь лет получить в подарок до ужаса чопорную и, скорее всего, выжившую из ума бабулю – разве это может мне помочь? Думаю, нет.

Хотя мне все равно немного любопытно. А вы ведь знаете, как бывает с любопытством. Оно как червь грызет изнутри. Оно мучает до тех пор, пока ты наконец не сдашься.

Что может произойти при худшем раскладе?

Вероника Маккриди не удосужилась оставить мне свой емейл или номер телефона, поэтому мне придется отправить ей ответ обычной почтой. Бумаги у меня нет, но где-то завалился блокнот. Да, вот он, валяется рядом с грудой книг и журналов, прямо под отверткой. Я убираю ее в карман куртки, беру ручку и пишу записку. Короткую и по существу:

Ладно. Когда вы хотели бы встретиться?

Я свободен на следующей неделе.

В любой день, кроме понедельника.

Я приписываю свой новый адрес и номер телефона наверху. Если захочет, увидит. Если нет – ну что поделать.

Знаю, невежливо писать ей вот так, но вообще-то эта женщина сильно меня разозлила. Было бы неплохо, если бы она нашла меня немного раньше, когда мне было, ну, скажем, лет шесть и я очень нуждался в том, кто бы позаботился обо мне. Это уберегло бы кучу людей от моей агрессии.

Пойду выйду на улицу, отнесу письмо на почту, заскочу на обратном пути в «Арфу» и побалую себя пивом. Может, позвоню Гэву. Встретимся там. Несколько месяцев назад у него умерла мать, у него болеет ребенок, а еще он вынужден терпеть меня. Ему точно не повредит кружка-другая пива.

Мысль о выпивке воодушевляет. Я снова сбегая вниз по лестнице, письмо в заднем кармане джинсов. Воздух на улице влажный и тяжелый. Бегу вниз по улице. Мимо проносятся машины. По пути я думаю только о пиве, но как только бросаю свою записку в почтовый ящик, то, сразу начинаю жалеть, что так грубо ответил бабуле Веронике. Все-таки она пожилой человек. И наверняка ранимая. Не стоило писать так односложно и сухо, хотя ее письмо было действительно странным.

Интересно, ответит ли она. Часть меня считает, что да. Другая – что не ответит.

Начинаю думать (ладно, надеяться), что бабуля Вероника окажется миленькой старушкой. Представляю ее такой полненькой и румяной, с ванильным парфюмом. У нее живые блестящие глаза и звонкий смех, как у девчонки. Может даже, она будет говорить с легким шотландским акцентом. Привезет мне домашний яблочный пирог, завернутый в клетчатое полотенце.

Когда я стою у барной стойки со своей первой кружкой пива, у меня в голове уже есть план. Я знаю, что делать: приготовлю пирог к приезду бабули Вероники. Пирог – это круто. Точно, приготовлю ей пирог. Может, страсть к пирогам будет нашей с бабулей общей страстью. Сплотит нас. Будем обмениваться рецептами. И она скажет, что я унаследовал ее глаза, нос и любовь ко всему миндальному. А я расскажу ей о Линетт. И она будет такая добрая и участливая, как и положено бабулям.

Решено. Бабуля будет меня обожать.

6

Патрик

Болтон

Не знаю почему, но сегодня я проснулся куда более радостным, чем обычно. Я исполнен решимости начать новую жизнь. Выпрыгиваю из кровати, собираю с пола грязную одежду и запихиваю в полиэтиленовый пакет. У меня не осталось чистой одежды, но есть старая футболка с группой Gorillaz и рваные джинсы – они воняют чуть меньше, чем все остальные. Боже, я и в самом деле себя запустил. Жалкое зрелище. Пришло время взяться за ум. Открываю холодильник, но там пусто – если не считать одинокую бутылку молока. Придется обойтись без завтрака.

Я решительно выхожу из квартиры, спускаюсь по лестнице и оказываюсь на улице.

Я на высоте. Машин еще не так много, и на улице никто раздраженно не сигналиит, как это бывает обычно. Солнце слепит глаза, и листья на деревьях сверкают, будто освещенные прожектором. Как же хорошо.

Это начало новой жизни. Теперь я одинокий, зато куда более цельный. Линетт была права в одном: если не следить за здоровьем, вся жизнь катится к чертям. Я тяжело дышу, пока бегу через парк до «Теско». Собираюсь как следует насладиться походом за продуктами.

* * *

В моей тележке: авокадо, финики, грибы шиитакэ и шампиньоны, листья салата, кусок баранины, свежая мята, картофель, яблоки, хлеб с семечками, киноа и (ладно-ладно, я же не святой) моя награда за это все: две упаковки пива. Оплачиваю покупки кредиткой, пытаюсь скрыть ужас от их стоимости. Если повезет, я совсем скоро получу очередную выплату по пособию.

Останавливаюсь у киоска с прессой по пути домой, чтобы полистать парочку журналов. Вдруг осознаю, что слишком задержался и мясо, наверное, уже начало оттаивать. Бегу домой, пакеты с продуктами бьют меня по ногам. Поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Пищит автоответчик. Я слушаю сообщения, пока выкладываю покупки в холодильник.

«Доброе утро, Патрик. Это Вероника Маккриди». Никакого шотландского акцента. Напротив, чистый английский. Четкий и монотонный. «Я звоню, чтобы сообщить вам, что нахожусь на вокзале Эдинбург-Уэверли. Поезд прибывает в Болтон в одиннадцать семнадцать, и если мне удастся сразу же найти такси, я буду у вас к двенадцати часам».

И все. Ни слова больше. Вот же блин!

Могла бы предупредить заранее. Я смотрю на часы. Уже почти десять. И у меня нет ингредиентов для лимонного пирога из поленты. Я умираю с голоду, и пылу у меня заметно поубавилось. Но мне ведь предстоит встретиться с единственным живым родственником. Надо обязательно приготовить пирог. Все как будто зависит от него. Пирог может стать моим единственным шансом подружиться с бабулей.

Я снова выбегаю из комнаты, захлопнув за собой дверь. Опять бегу по дороге (машин куча). Чувствую собственный запах пота. Плохи дела.

Лихорадочно мечусь по торговому залу, хватая кукурузную муку, золотую сахарную пудру, лимоны и все такое. Выбираю самую маленькую очередь на кассу, но (какой же я счастливчик) попадаю к самому заторможенному кассиру во Вселенной.

– Чудесное утро, не правда ли, мой хороший? – спрашивает она, раскачивая в руках пакет с лимонами вместо того, чтобы их взвешивать. Видимо, не способна делать два дела одновременно. Я хмыкаю и многозначительно смотрю на лимоны. – Но говорят, что днем будет дождь. Надо насладиться солнышком, пока оно не скрылось.

– Ага.

– Кукурузная мука! Никогда не понимала, для чего она нужна.

– Угу.

Наконец мы справляемся с шестью товарами в моей корзине. Я уже собираюсь вставить карточку в терминал, но она останавливает меня, размахивая ладонью перед моим лицом.

– Вы забыли дать свою скидочную карту!

– Нет, не забыл! – отвечаю я.

– Вы хотите сказать... у вас нет скидочной карты?

– Именно.

– О! Хотите завести? Это очень выгодно. Вы можете накапливать бонусы, а потом со скидкой приобретать некоторые товары. Скидка будет расти.

– Не сейчас, простите. Надо бежать.

Кассир закатывает глаза, как будто я – тот самый вредный клиент, и затем (Господи, спаси!) становится еще медленнее.

– Вот ваш чек и ваш жетон, – произносит она, протягивая мне пластиковый кружок. – Закиньте его в один из ящиков для пожертвований на выходе.

Я послушно бросил жетон в первый попавшийся ящик, даже не прочитав, кому достанется пожертвование – родительскому комитету или местному садовому клубу. Наконец я могу вернуться домой и приготовить чертов пирог. Тяжело взбираюсь вверх по склону, огибая людей на тротуаре. Все они медленные, как чертовы улитки.

Погодите-ка, а это у нас кто? Прямо передо мной по тротуару идут в обнимку двое. Мужчина с огромной квадратной головой, широкими плечами и обгоревшей шеей. И женщина, тощая как спичка. Модные джинсы и отглаженная блузка. Безупречное каре в стиле Клеопатры. Это она. Линетт.

В ту же секунду все внутри меня разрывается на части. Как будто мои внутренности сначала решили поменяться местами, а потом завязались в узел. Голова раскалывается. Ноги становятся ватными. Я не могу пошевелиться. Застрял посреди тротуара, вытаращив глаза, как идиот.

Линетт! Линетт Линетт Линетт. Прилипла к нему. К чертовому каменщику.

Не отрываясь смотрю, как они скрываются за углом.

Блин, мне нужен косяк. Я подхожу к кровати и бросаю покупки на пол. Тянусь за самокрутками. Забиваю туда траву и быстренько прикуриваю. Затягиваюсь и выдыхаю дым прямо в комнате. Руки все еще дрожат. Пепел падает прямо на ковер. Звонк в дверь. Я подскакиваю. Линетт? Нет, конечно же нет. Это, блин, Вероника Маккриди.

Приехала на двадцать минут раньше. Никогда не понимал людей, которые приходят заранее. Линетт считала, что нужно всегда приходиться заранее, но я вас умоляю...

Опаздывать круто. Это дает людям возможность подготовиться к твоему приходу. Но на двадцать минут раньше – это уже никуда не годится.

Я все еще не могу унять дрожь и совсем не расположен с кем-то болтать. Что за человек эта Вероника Маккриди, если она отказалась от собственного сына? Ну правда...

Снова раздается звонок. Я выглядываю из окна и успеваю увидеть удаляющееся такси. У входной двери стоит женщина. Не могу ее толком разглядеть отсюда, вижу только макушку и седые волосы, фиолетовую папку и ярко-красную сумочку.

Я ведь не могу заставлять ее ждать, правда? Все-таки это пожилая женщина. Я спускаюсь и открываю дверь. Она осматривает меня с ног до головы. Я: в руке косяк, в рваных джинсах и мятой футболке, на голове черт знает что, небритый, воняю потным мужиком. Она: одета с иголочки – накрахмаленный воротничок и плиссированная юбка. Не совсем классика, конечно, но почти. На сморщенных губах ярко-красная помада.

– Патрик?

– Ага, я.

На ее лице застыло выражение ужаса. Думаю, нельзя ее за это винить. Мне почти что жаль старушку. Я, должно быть, в несколько раз хуже ее худших ожиданий.

– Проходите.

Не могу выдавить из себя улыбку. Она идет за мной по ступенькам, ее взгляд скользит по обшарпанным перилам и покрытым пятнами обоям из восьмидесятых. Толкаю дверь в комнату и жестом приглашаю ее войти.

– Так вот где вы живете. – В ее голосе звучит неодобрение. Мешок с грязной одеждой упал, и вещи снова валяются на полу. Кровать не убрана. Горшки с марихуаной стоят у окна на самом видном месте. Есть ли мне до этого дело? Нет. Сейчас я могу думать только о Линетт и ее каменщике. Ни за что на свете не стану притворяться тем, кем не являюсь. Или делать вид, что рад, что Вероника Маккриди сюда приехала.

Я медленно выдыхаю дым.

– Присаживайтесь.

Она стягивает пару джинс с одного из кресел и аккуратно опускается в него. Прижимает к себе свою дорожную сумочку, которая похожа на сумочку королевы Елизаветы – вся такая алая и блестящая. Если не брать в расчет красную помаду, то она выглядит так же, как остальные старики. Все на месте: седые волосы, ввалившиеся щеки, впалые глаза. Семейное сходство? Может, есть что-то общее, трудно сказать. Думаю, что нет.

Я сам сегодня так отвратительно выгляжу и даже рад, что Вероника – совсем не милая старушка. Совсем наоборот. Линетт называла таких, как она, «форель». Строгая, чопорная, надменная. И нет, никакого пирога она мне не привезла. Вообще ничего не привезла, кроме своего хмурого взгляда.

Будни пингвинов

10 ноября 2012 года

Выживание – дело непростое. Обитатели Антарктики нашли свои способы справляться со здешними суровыми условиями. Антарктические буревестники вырабатывают специальный желудочный жир: источник энергии во время долгих перелетов, который также служит защитой, – птицы выпускают из клюва залпы жира при нападении хищников. Кроме того, здесь не обойтись и без жесткой шкуры. Леопардовым тюленям толстый слой жира помогает выжить при экстремально низких температурах. У пингвинов воздух задерживается между перьями, это помогает им поддерживать температуру тела в холодной воде.

Иногда пингвинам приходится подолгу обходиться без пищи. Во время антарктической зимы самцы императорских пингвинов могут прожить целых четыре месяца без пищи, удерживая яйцо в тепле между лапами, пока самки запасаются едой для будущих птенцов. Наши Адели гораздо более разумный вид, они размножаются в ноябре (во время антарктической весны), когда условия жизни относительно легкие. Но и у них есть множество проблем. Повсюду хищники. Лед и снег могут быть опасны для жизни. Им приходится быть невероятно сильными, чтобы выжить.

7

Вероника

Болтон

Июнь 2012 года

Я сделала все возможное, чтобы выжить. И если это сделало меня упрямой и резкой, то ничего уже не поделать. Я такая, какая есть.

Нужно принять тот факт, что и Патрик тоже такой, какой есть. Но мне трудно скрывать свое разочарование. Конечно, я не ожидала увидеть само совершенство. Не ожидала, что моментально проникнусь к нему симпатией. Уж я-то знаю жизнь. Но это? Я сдаюсь. Еще один плевок в лицо от всем нам хорошо известного тирана – Судьбы.

Как это возможно, чтобы это безобразное, грязное, одурманенное наркотиками существо было моим внуком? Он что, никогда не моется? А его комната! Просто в голове не укладывается, что кто-то может жить в такой дыре. Там не поместился бы даже кролик. Крысы и те решили бы, что для них там слишком грязно.

Я специально не предупредила этого юношу о своем визите, мне хотелось посмотреть, как он живет на самом деле. И об этом я уже пожалела. У него было достаточно времени, чтобы прибраться, но он и пальцем не пошевелил, даже к моему приезду. Видимо, его не научили уважительно относиться к другим. Наверняка в этом виновата его мать.

Патрик отворачивается, отходит в угол комнаты и бормочет что-то, но я не могу разобрать. Затем снова подходит ближе и садится передо мной. Он дымит как паровоз. Без понятия, что именно он курит, загрязняя и без того ядовитый воздух и уничтожая свои легкие и последние клетки мозга, но это точно не табак. Пытаюсь рассмотреть его сквозь слои грязи на лице. Его черты напоминают мои – слегка выступающие скулы и мощный подбородок. Он крупный, с оливковой кожей и растрепанными каштановыми волосами (их слишком много на макушке и слишком мало по бокам). У него карие глаза, но кроме этого я не нахожу в нем ни одной черты мужчины, которого когда-то любила. Внутри меня все сжимается. Я должна взять себя в руки.

Собираюсь с силами.

– Так значит вы моя бабуля?

Даже не предложит выпить чаю после долгой дороги.

Мне очень хочется ответить, что случилось недоразумение и в агентстве допустили ужасную ошибку, и на самом деле я все-таки не его бабушка. Но меня учили говорить правду, и честность стала моей привычкой.

– Да, – отвечаю я. – Похоже, так оно и есть. У меня есть все документы.

Вытаскиваю их из папки и показываю Патрику. Вонь от наркотиков становится сильнее, когда он приближается ко мне, чтобы взглянуть на бумаги.

– Вот запись о вашем рождении. Можете заметить, что вашего отца записали под именем Джо Фуллер. Это имя моему сыну дали приемные родители, когда увезли с собой в Канаду. Другие источники подтверждают, что это тот же самый Джо Фуллер. Анализ ДНК мог бы окончательно развеять все сомнения, но юристы меня заверили, что этой информации и так достаточно.

Патрик едва взглянул на документы, будто ему совсем плевать на давно потерянных родственников.

– Я взял фамилию матери, – заявляет он. – Мой отец недолго пробыл с нами после моего рождения. Меньше недели, если быть точнее.

Кажется, Патрик считает, что я должна за это извиниться. Ну уж нет.

– Так вы расскажете мне, что произошло?

– С вашим отцом?

– Ага, с моим отцом, который бросил меня и мою мать. Вашим сыном. Вы вроде упоминали, что вас разлучили. Это как?

Я просто отказываюсь опускаться до такой неприкрытой грубости. Выдаю ему только

основную информацию:

– Нас с твоим отцом разлучили, когда он был еще младенцем, всего несколько месяцев от роду. К сожалению, я никогда его больше не видела. Было просто невозможно отыскать его – пока не стало слишком поздно.

Сколько раз за эти годы я пыталась найти его. Только в 1993 году мне удалось узнать хоть что-то, когда страшное письмо пришло в Баллахей.

Патрик откашлялся.

– Ну, и когда он умер?

– Мой сын умер в 1987 году.

Мне трудно произносить эти слова.

– Понятно.

Он даже бровью не повел. Подходит к окну, возвращается, выдыхает в воздух длинную струю вонючего дыма.

– Как он умер?

– Он был заядлым альпинистом, – неохотно отвечаю я. – Отправился покорять Скалистые горы и трагически погиб, сорвавшись в пропасть.

– Молодец.

Меня поражает его бесчувственность. Кажется, я уже начинаю ненавидеть этого Патрика. Но я все равно продолжаю:

– Я никогда не общалась с парой, которая его усыновила. Видимо, они не могли иметь своих детей. Когда случилась эта трагедия, их не было в живых. Спустя несколько лет какие-то их родственники – кузены, кажется – наконец-то разобрали семейные архивы и обнаружили документ, подтверждающий, что я его мать. Одна из них, женщина из Чикаго, написала мне письмо и рассказала, что случилось. Это было в 1993 году.

На тот момент я уже оставила какие-либо надежды увидеть своего сына, но последнее, что я могла ожидать – новости о его гибели. Мне все еще непросто вспоминать то письмо.

– Эта женщина виделась с ним всего несколько раз, поскольку они жили далеко друг от друга. Она ничего толком не могла рассказать мне о нем. Умер неженатым, и, насколько ей известно, детей не имел.

Патрик затягивается и выдыхает дым. Его лицо непроницаемо.

– А теперь вы говорите, что он мой отец.

– Да.

Я обдаю его ледяным взглядом. Мне редко приходилось испытывать такое

разочарование.

– Недавно мне пришло в голову, что эта родственница могла ошибаться. Я решила копнуть немного глубже – чтобы знать наверняка, что мой сын не оставил потомства. И, к моему глубочайшему удивлению, агентство нашло вас.

– И никто из его приемной семьи не знал обо мне?

– Видимо, нет. Как вы и сказали, он покинул Англию сразу после вашего рождения.

Мой сын, крошечный младенец, который поднимал свои крошечные пальчики в попытке схватить мои кудряшки, который сидел у меня на коленях и смотрел на меня, пока я ему читала... стал мужчиной, сам стал родителем. Искал ли он меня, когда был в Англии много лет назад? Или даже не знал о моем существовании? Родственница его родителей не подозревала, что его усыновили, так что, возможно, не знал и он. Когда нас разлучили, он был слишком маленьким, чтобы запомнить меня, а его канадские родители, вероятно, не сочли нужным рассказать ему обо мне. Не знаю, кажется, что этот мужчина передо мной, совершенно неприятный мне, мой внук, тоже ничего не знает. Столько вопросов, и все без ответа.

Патрик хмыкает.

– Видимо, он просто выкинул маму и меня из головы.

Кто же теперь знает? Похоже, он разорвал все контакты с этой женщиной и своим ребенком. Не представляю, почему кто-то может так поступить. Думаю, у моего сына были на то причины. Мужчины постоянно бросают своих женщин и детей на протяжении всей истории человечества. И без сомнения будут продолжать это делать до скончания веков.

Патрик пытается все это осознать. Было бы здорово, если бы он присел. Вид у него потерянный. Он запускает одну руку в волосы, в другой держит тлеющий окурочок.

– И как, вам удалось выяснить что-нибудь еще о его жизни?

– Да, но совсем немного.

Я мысленно отмечаю факты, которыми готова поделиться.

– Он прожил почти всю жизнь в Канаде. Увлекался экстремальными видами спорта – горными лыжами, прыжками с парашютом и альпинизмом. Много путешествовал. Ненадолго задержался в Англии, когда ему было около сорока. Видимо, в это время он и встретил вашу мать, а потом родились вы.

– Смотрите какой смельчак. Не особо гордился этим фактом, раз не захотел о нем кому-то рассказывать, – бубнит Патрик себе под нос и добавляет: – Бедная мать. – Он морщится. Затем возобновляет допрос: – Что же заставило вас отказаться от собственного ребенка?

Патрик рубит плеча, его вопрос звучит как обвинение. Я чувствую, что по коже пробегают мурашки. Я не собираюсь оправдываться перед этим типом. Но все же он имеет право знать.

– Я была очень молода.

– И?

– И не замужем.

Патрик меряет шагами комнату.

– Видимо, бросать детей – семейная традиция.

Как он смеет так говорить со мной? Я его кровная родственница и проделала такой неблизкий путь, чтобы увидеться с ним. Теперь понятно, что вся эта затея была громадной ошибкой. Моя история слишком сложная, а пропасть между нами стала непреодолимой. Патрик такой, какой есть. Я тоже. Мы очень разные существа.

Спрашиваю себя: хочу ли я продолжать общение с новоиспеченным родственником? Ответ моментально приходит в голову. Сомнений нет: не хочу.

– Сколько лет вам было, когда родился мой отец? – спрашивает Патрик.

Я резко отвечаю:

– Слишком мало.

Вижу что-то новое во взгляде Патрика. Может быть, это сочувствие, но я сомневаюсь.

– А сейчас сколько вам лет?

– Слишком много.

– Насколько много?

Отмечаю, что он не стал допытываться, насколько молодой я была, когда стала матерью. Я тяжело вздыхаю.

– Двадцать первого июня, то есть в следующий четверг, мне исполнится восемьдесят шесть.

Он хмурится.

– Понятно. Вы живете одна?

– Да. Но у меня есть помощница, которая занимается уборкой и домашними делами. Эйлин. Дом слишком большой и ветхий, чтобы я могла в одиночку с ним справиться.

– Ну, бабуля. – Меня передергивает от этого слова. – Видимо, ты неплохо о себе позаботилась.

Я кланяюсь в знак благодарности.

– Смотря что вы понимаете под словом «неплохо». Но да, дом стоит парочку миллионов.

Патрик заходится кашлем, пепел осыпается на ковер. Я тут же одергиваю себя. Ни

при каких обстоятельствах не стоило упоминать о своем состоянии. Теперь он, естественно, подумает, что может претендовать на наследство. Ну, мне хотя бы хватило ума не упоминать о тех миллионах, которые хранятся на разных банковских счетах и приносят огромные проценты.

Молодой человек молчит, отказываясь даже встретиться со мной взглядом, он уставился в окно.

– Как же вам удалось так разбогатеть? – говорит он, обращаясь к водосточным трубам.

– Вышла замуж. У моего мужа был бизнес. Я какое-то время помогала ему вести дела, пока мы не развелись.

Это все, что я готова рассказать о себе.

Теперь мой черед задавать вопросы, мой черед хорошенько помучить Патрика так же, как он терзал меня. Я держусь вежливо, но изобразить искренний интерес мне все равно не удастся. Оказывается, он работает всего один день в неделю в магазине велосипедов. И то исключительно благодаря доброте его друга, который владеет этим магазином. Остальной доход ему приходится выпрашивать у государства. Недавно он расстался с девушкой. Не сказать, что я удивлена. Меня скорее поражает, как вообще такой мужчина может найти девушку. Я боюсь даже представить, что там была за девушка. Еле сдерживаюсь, чтобы не спросить, принимает ли он ванную хотя бы иногда. Мне и самой не помешает помыться после пребывания здесь, но его ванную мне совсем не хочется видеть.

Разговор довольно быстро сходит на нет. Больше всего на свете мне хочется поскорее избавиться от общества этого дурно пахнущего мужчины. Уверена, я ничего не потеряла, не узнав его раньше. Я прошу Патрика вызвать мне такси, как только чувствую, что прошло достаточно времени.

Как же прекрасно выбраться оттуда.

8

Вероника

Баллахей

– Ну что, полагаю, вскоре ваш внук нанесет вам ответный визит! – радостно выдает Эйлин, прикрепляя щетку к корпусу пылесоса.

– Очень надеюсь, что нет.

Мне не удалось увильнуть от ее расспросов про поездку к Патрику, но я рассказала ей только сухие факты. И мне совсем не хочется продолжать этот разговор.

– Вы серьезно, миссис Маккриди?

Она замолкает, очевидно свято веря, что мы с внуком должны испытывать друг к другу самые нежные чувства.

– Но вы ведь обрадовались бы, если бы он сейчас постучал в дверь?

Я молчу. Иногда плохой слух становится выгодным преимуществом. Можно не отвечать на глупые вопросы.

Эйлин бодро пожимает плечами.

– Что же, думаю, дом сам себя не пропылесосит!

Она вытаскивает пылесос из кухни в коридор, не закрыв за собой дверь.

– Эйлин. Дверь.

– Простите, миссис Маккриди, – говорит она и закрывает за собой дверь.

Я допиваю чашку чая и пролистываю журнал по садоводству. Последнее время я почти не уделяю внимания саду, разве что изредка подрезаю розы, иногда заказываю семена многолетних цветов или кустарников. В Баллахеях растет несколько видов рододендрона, которыми я особенно горжусь. Яркие цвета в саду помогают поддерживать волю к жизни, я в этом уверена. Кроме того, мистеру Перкинсу, садовнику (который работает на меня уже двадцать шесть лет и сам уже начинает потихоньку увядать), нужно чем-то заниматься, чтобы не заскучать.

Надев пальто и перчатки, я выхожу из дома. Вдыхаю чистый разреженный шотландский воздух. Я все еще чувствую себя грязной после отвратительного жилища Патрика.

Сейчас медальон спрятан под подушкой в спальне. Достану его, когда буду наверху, и спрячу обратно в коробку. Коробку же стоит убрать подальше в темную комнату. Я постараюсь снова похоронить эти воспоминания, они приносят слишком много боли. Не стоило их раскапывать.

Сегодня вечером Роберт Сэдлбоу ведет репортаж с отдаленного острова Южного Шетландского архипелага в Антарктике, где обосновалась еще одна колония пингвинов.

– Температура в Антарктиде достигла рекордной отметки, – сообщает он с заснеженного холма. – За последние несколько десятилетий здесь площадь морского льда значительно уменьшилась.

– Боже праведный! – восклицаю я.

Его суровое лицо увеличивается, пока (к моему удовлетворению) наконец не заполняет большую часть экрана.

– Для ученых пингвины – индикатор изменений экосистемы, – продолжает ведущий, – любые изменения в их жизни или в численности популяции отражают перемены, происходящие во всей Антарктиде. Таким образом, наблюдение за пингвинами Адели позволяет нам отследить изменения окружающей среды в целом.

– О Роберт, вы пример для подражания. Мы, невежды, должны знать о таких вещах, – приговариваю я.

Роберт Сэдлбоу улыбается.

– Пингвины Адели просто невероятные, – добавляет он. На экране снова появляется панорама Антарктики.

Я полностью согласна. Сбившиеся в кучу птицы наполняют пустынный пейзаж веселым гвалтом и энергией. Этот вид назван в честь жены французского исследователя восемнадцатого века. Несмотря на женское имя, они не выглядят женоподобно. В своих блестящих черно-белых нарядах они скорее напоминают пухлых мужчин в смокингах. Адели – один из самых маленьких видов, их рост около двадцати восьми дюймов. Блестящие, умные глаза с белой каемкой. Они невероятно трогательные. В сюжете их показывают не только на суше, но и под водой, где неуклюжие фигуры пингвинов становятся изящными и гибкими, а движения – размеренными и точными.

В программе также упоминают группу ученых, которые живут на острове и изучают вид Адели. Роберт Сэдлбоу берет интервью у одного из них – немца по имени Дитрих. Мужчина называет себя пингвиноведом. Мне не нравится его акцент, но я впечатлена той страстью, с которой он говорит о пингвинах. Дитрих подчеркивает, что хоть Адели и не самый быстро исчезающий вид (как, например, северные хохлатые или большие хохлатые пингвины), но они тоже вот-вот будут на грани исчезновения. А еще именно эта колония значительно сократилась за последние несколько лет, и никто не понимает – почему. Семь лет назад на островах построили новую полевую базу, чтобы найти причину, и теперь ученые внимательно изучают пингвинов год за годом, но, к сожалению, финансирование проекта скоро прекратится. На момент записи этого выпуска на базе оставалось всего четверо ученых, выполняющих работу за пятерых. В этом году их может остаться всего трое. Возможно, проект придется закрыть окончательно, если ученым не удастся привлечь средства. Слова немецкого ученого что-то пробудили во мне...

Этот Дитрих прямо на грани нервного срыва. Он яростно жестикулирует. Обычно меня бы оттолкнуло такое проявление эмоций, но Роберт Сэдлбоу (а я им восхищаюсь) сочувствует ученому. Он выражает надежду на то, что им удастся продолжить свой невероятно важный труд, пожимает руку Дитриха и желает ему всяческих успехов. На экране появляется красивый, хотя и чересчур упитанный пингвин, он стоит на скале и пытается просушить крылья, растопырив их в стороны. Мы встречаемся взглядами, и тут же между мной, сидящей в кресле в Баллахеях, и пингвином на скале в Антарктике устанавливается какая-то сверхъестественная связь.

– Если хотите узнать чуть больше об этой колонии пингвинов Адели, – произносит Роберт Сэдлбоу, – читайте «Будни пингвинов». Там вы найдете регулярные отчеты о работе ученых и рассказы о пингвинах с острова Медальон.

Остров Медальон? Медальон? Это слово как электрический импульс пронзает мозг, будто меня бьют током. Удивительное совпадение? Или знак судьбы?

Я выключаю телевизор, когда на экране появляются титры. Чтобы не обмякнуть в кресле (что очень вредит моей шее), я тут же встаю и направляюсь вверх. Захожу в ванную и охаю от изумления. Прямо перед глазами слово «пингвины», выведенное у нижнего края зеркала моим коричневым карандашом для бровей. Это напоминание, видимо, было очень важным для меня, раз мне пришлось писать прямо на зеркале.

Интересно.

Я снова беру карандаш и добавляю слова «Адели» и «Антарктика». И, еще немного поразмыслив, приписываю: «Остров Медальон».

* * *

Вокруг меня снуют пингвины с медальонами на шее. Птицы щелкают клювами, пытаюсь мне что-то сказать, но я ничего не слышу. В этом сне я снова молодая и беззаботная, мои каштановые кудри развеваются на ветру. Все вокруг меня белое-белое. Белые цветы, деревья, белые перья кружатся в воздухе. Я подхожу ближе к пингвину и наклоняюсь, чтобы расслышать, что он говорит. Мне почти удается разобрать, но тут его прерывают. Пронзительный вой, от которого закладывает уши.

Я резко подсакиваю в кровати. И тут же понимаю, что это телефонный звонок разбудил меня. Хватаю халат со стула и набрасываю на плечи, кидаю взгляд на часы: почти три часа ночи. Какой идиот будет звонить в такое время? Иду к телефону через всю комнату и поднимаю трубку. Слышу чей-то голос, но слов разобрать не могу.

– Одну минуту, – говорю я и нащупываю слуховой аппарат. – Вероника Маккриди слушает, – сообщаю я, вновь обретя слух.

– Привет, бабуля.

На мгновение мне кажется, будто я сошла с ума, но потом я вспоминаю неприятную встречу с новообретенным внуком. Бабуля. Кошмар. Обязательно меня так называть?

– Патрик, – произношу я, его имя моментально возникает у меня в голове. Мне повезло, что моя память безупречна и я все еще хорошо соображаю. Тем не менее сомневаюсь, что давать ему мой номер было хорошей идеей. Тогда мне показалось, что это простая формальность, но теперь я опасаюсь, что Патрик будет злоупотреблять моей добротой.

– Простите, что не поздравил с днем рождения. Он ведь был позавчера?

Сверяюсь с календарем на подоконнике – в конце каждого дня я вычеркиваю дату.

– Два дня назад, – отвечаю я, не очень понимая, какая ему вообще разница.

– О, значит это было... – Он замолкает, пытаюсь что-то сообразить своим убитым наркотиками мозгом. – Двадцать второе?

– Двадцать первое.

– Ага, двадцать первое. Вам ведь исполнилось сколько? Восемьдесят восемь?

– Попробуйте еще раз.

– Восемьдесят семь?

– Нет, Патрик.

– Восемьдесят шесть?

Я не могу сдержать сарказм:

– Bravo. Очень хорошо. Молодец. Именно так.

– Ну, тогда поздравляю вас с... прошедшим днем рождения! Вы здорово устроились в жизни.

Патрик пытается казаться веселым, но у него не особо получается. Как же ему, должно быть, досадно, что я появилась в его жизни. Какое облегчение он испытает, когда я умру.

– Как провели день рождения?

– Ничего. Эйлин принесла торт.

Уверена, он понятия не имеет, кто такая Эйлин.

– О, как мило. Эйлин это ваша сиделка, верно?

– Конечно же нет! Мне не нужна сиделка. Я прекрасно справляюсь сама. Эйлин время от времени помогает мне по дому.

Повисает молчание.

– А! Понял. Старушка Эйлин! Вкусный был? Я имею в виду торт.

– Ничего, пойдет.

(Если честно, он был отвратительный, сплошной миндаль и сладкая розовая глазурь. Настоящий ад для зубов. Как будто им и без того мало досталось.)

– Эйлин уж точно не гений готовки. Но сам жест меня порадовал. Она старалась.

– Не то что я, – отвечает мой внук с не характерной для него пронизательностью.

– Вы стараетесь сейчас, – подмечаю я.

– Видимо, чересчур стараюсь.

Мысленно я с ним соглашаюсь, но вслух ничего не говорю.

– Послушайте, не знаю, как это сказать, но меня кое-что беспокоит. Я чувствую, что... Думаю, мы неправильно начали, бабуля. Это было совсем не то, чего я ожидал, и знаю, должно быть, я показался вам полным придурком – уж простите за мой французский. Хотел узнать, не можем ли мы, ну, начать все сначала?

Эта неприкрытая лезть меня не впечатляет, и я тут же догадываюсь, что он, должно быть, охотится за моими деньгами.

– Хорошо, – отвечаю с показным терпением. Повисает неловкая пауза. – Как у вас дела? – спрашиваю я.

Не особо хочу слышать ответ. Вся его жизнь – череда бессмысленных банальностей, но кто-то должен продолжать разговор.

– О, вы знаете. Все как обычно. Ничего особенного. Велосипеды по понедельникам. Дождь. Счета. Еда. Постоянно отправляю свои резюме, это занимает целую вечность, и в итоге ничем хорошим все равно не заканчивается. Но не жалею. Подбадриваю себя походами в паб и программой «Кто хочет стать миллионером?».

– Видимо, вы хотите.

Опять неловкая пауза.

– Конечно, я был бы совсем не против, если бы на меня свалился миллион фунтов.

Я глубоко оскорблена наглостью этого мальчишки. Он намекает самым беспардонным образом. Видимо, понял, что больше мне некому оставить деньги. Понял, что у меня больше нет кровных родственников. В последнее время я и вправду много размышляла об этом. Иметь такое богатство – большая ответственность. Можно было бы оставить все Эйлин, которая, несмотря на все свои недостатки, была предана мне все эти годы, но она, скорее всего, сразу передала бы их Патрику – совесть не позволила бы ей оставить деньги себе. Она поет (если это можно так назвать) в церковном хоре и считает себя благородным и глубоко нравственным человеком.

Повисла многозначительная пауза.

Я думала, Патрик проявит хоть немного интереса к моей жизни, но нет. Не вижу смысла продолжать.

– Спасибо, что позвонили, Патрик.

Я бросаю трубку. Меня переполняют обида и гнев. Как он смеет... пытается заслужить мою благосклонность, позвонив посреди ночи, чтобы поздравить с днем рождения с опозданием на три дня. И это после того, как он вел себя во время моего визита в его вонючую дыру. Непочтительно по отношению ко мне, но что еще важнее, он был непочтителен к памяти моего сына, своего покойного отца. Полагаю, он передумал только потому, что его захватила мысль о наследстве.

Пусть и дальше хочет стать миллионером. С чего это я должна поощрять распущенность и откровенную лень? Сейчас за моим немаленьким состоянием приглядывают несколько банков и Строительных обществ. Придется связаться с адвокатом и обсудить с ним завещание. Говорят, что родная кровь не водица. К сожалению, в нашем случае это совсем не так. Нет, похоже, кровь Маккриди совсем не сыграла свою роль. Мальчишке следует сделать что-то со своей жизнью, а не растрчивать мое состояние на выпивку, наркотики или еще что похуже. Решено. Наследство отправится в более достойные руки. Не позволю Патрику прикоснуться к моему состоянию своими грязными маленькими ручонками.

Болтон

Не могу избавиться от неприятного ощущения после разговора. Черт возьми, я сделал что мог, не так ли? Не сказать, что мне хотелось ей звонить, но внутренний голос все не унимался: «Просто сделай это, приятель. Просто позвони». Пришлось заставить себя. И как обычно, простой звонок превратился в настоящую катастрофу. Попробовал извиниться, но перепутал даты. Никогда не мог запомнить дни недели. Понедельник – рабочий день, это я знаю, но оставшиеся дни сливаются в один большой спутанный комок. В итоге я умудрился обидеть бабулю Ви, перепутав дату ее рождения, а потом закопал себя еще глубже, предположив, что она старше, чем есть на самом деле. Она здорово взбесилась. Если бы за сарказм награждали медалями, бабуля получила бы золото. Я так перенервничал, что произнес вслух слово «задница». А потом и того хуже – начал нести всякую чепуху, чтобы казалось, будто у нас нормальный, непринужденный разговор бабушки и внука. И вдруг я зачем-то ляпнул, что хочу стать миллионером. Это было очень странно и абсолютно неуместно. Надеюсь, она не подумала, что это какой-то намек.

Ну, хотя бы попытался. Думаю, я заслужил пива. Сейчас еще не совсем поздно – около десяти вечера – так что пишу эсэмэску Гэву и выхожу на улицу. Он всегда за то, чтобы пропустить кружку-другую, если дети уже спят.

Когда я вхожу во «Флягу дракона», Гэв уже там. Мы заказываем выпивку и забиваемся в угол бара.

– Ну что, как дела? – спрашивает он, сделав пару глотков. – Налаживается?

– Кажется, худшее уже позади, да.

– Молодец. Значит, Линетт осталась в прошлом?

– Извини, ты сейчас выругался?

– Понял. Слово на букву «Л» больше не произносим.

Наверное, хорошо, что я столкнулся с ней и этим каменщиком. Пусть эта встреча ранила меня в самое сердце и время было совсем неподходящее, но зато теперь все позади. Других вариантов и быть не может: Линетт больше нет в моей жизни.

– Я тебе вот что скажу... У меня теперь есть бабуля.

Гэв умеет заставить тебя почувствовать, будто все сказанное тобой действительно важно. Он молча и участливо выслушивает, как я детально описываю мою ужасную первую встречу с бабулей Ви и мою дерьмовую попытку загладить вину по телефону. Когда я упоминаю, что бабуля живет в огромном поместье в Шотландии, Гэв тихонько присвистывает.

Около минуты крутит в руке бокал с пивом и произносит:

– Знаешь, что я думаю?

– Нет, но ты же сейчас мне скажешь.

– Ладно, приятель, ты совершенно прав. Вы не особо поладили, но мне кажется, стоит попробовать еще раз. В конце концов, это твой единственный родственник. Со временем вы могли бы сблизиться и полюбить друг друга.

Я ухмыляюсь.

– Ты просто ее не видел. Холодная как лед. Рядом с ней ледышка показалась бы тебе теплой и мягкой.

Гэв улыбается в ответ.

– Ладно, кажется, до меня начинает доходить: она не самая ласковая бабуля на свете.

– Черта с два.

Затем лицо моего приятеля становится серьезным.

– Но, если честно, дружище, ты должен пытаться. Старшее поколение, оно ведь...

Гэв изо всех силится подобрать слова, и я предлагаю ему варианты:

– Скучное? Эгоистичное? Жесткое?

– Нет, я не об этом. У них совершенно другой взгляд на вещи, потому что им пришлось многое пережить. Каждый из них – не просто морщинистый старик, а личность со своей историей. Мы часто начинаем ценить их только тогда, когда их уже нет в живых.

Кажется, он начал задыхаться. Должно быть, до сих пор не отошел после смерти матери. Совсем забыл об этом. Его мама тоже была обеспеченной (не такой, как бабуля Вероника, конечно, но на жизнь хватало). При этом она не спешила помочь Гэву решить его финансовые проблемы. Даже когда его восьмилетняя дочь заболела раком. Несмотря на это все, Гэв души не чаял в своей матери.

Разговор становится слишком тяжелым для нас обоих, так что мы переключаемся на велосипеды. Он подумывает прикупить нам в магазин крутые электрические велики. Правда, сейчас нет спроса на дорогие игрушки. Это слишком рискованно.

По пути домой я снова думаю о бабуле Ви. Гэв, конечно, прав. Надо продолжать попытки.

Грязные носки заполнили комнату. Пол усеян ими. Я собираю их в полиэтиленовый пакет. Отнесу в прачечную сразу после работы. Все еще не оставляю надежды вернуться к прежней жизни, иначе я просто опущусь до существования, которое вел до Линетт, а этого мне совсем не хочется. Так что сейчас квартира переживает генеральную уборку. В выходные я наконец сменил постельное белье, пропылесосил ковер и отмыл духовку.

Еще начал приводить себя в форму. Вчера проехал несколько десятков километров на велосипеде и приготовил себе настоящий полезный ужин: лимонного цыпленка и

тушеную стручковую фасоль с картофельным пюре. Но что еще важнее – я поел без телевизора. Вместо этого слушал музыку. Песню группы Sixx: A.M. – «This Is Gonna Hurt». Втыкал вилку в картофелины и разрезал бобы в такт. Было круто.

А еще я все-таки сделал лимонный пирог из поленты. Не выбрасывать же такие дорогие ингредиенты. Можно было бы сесть на поезд до Шотландии на неделю и передать его бабуле Ви прямо в руки, но я не могу себя заставить. Уверен, она меня ненавидит, да и мне совсем не легко испытывать к ней симпатию. Не могу выкинуть из головы тот факт, что она отказалась от собственного ребенка, и как это, должно быть, повлияло на жизнь моего отца, и как все могло сложиться совсем иначе и для меня.

Но все-таки мне не стоило так говорить с ней.

Я поливаю Труляля и Траляля. Пирог стоит на столе рядом с растениями, по всей квартире разносится теплый пряный лимонный запах. Один только взгляд на пирог вызывает во мне чувство вины.

Так что я решаю взять его на работу.

– Этот пирог для тебя, Гэв, – бормочу я, выкладывая блюдо на прилавок. – Просто чтобы сказать спасибо за... Ну, ты понимаешь. За поддержку. За все.

Мне и в хорошие времена тяжело даются всякие речи, а уж когда у меня ком в горле – и подавно.

– Патрик, дружище! – восклицает он, улыбка до ушей. – Не стоило.

– Стоило. Я вел себя как полный придурок. Отнеси его домой жене и детям.

Не могу выдавить из себя извинения, но думаю, Гэв и так все понял.

После работы (день прошел намного лучше: «Мадам, рад сообщить, что отныне ваш велосипед в прекрасной форме») наконец-то добираюсь до прачечной. И сейчас я уже возвращаюсь на автобусную остановку с пакетом чистой одежды. В наушниках на всю громкость играют Coldplay, и я невольно покачиваю головой в такт, ну вы знаете, как это бывает. Должно быть, я выгляжу как последний идиот. Я перехожу дорогу и огибаю внушительных размеров лужу, когда откуда ни возьмись вылетает огромный грузовик и практически врежется в меня. Он вовремя выворачивает, водитель сигналист изо всех сил, тормоза скрипят. У меня почти случился сердечный приступ.

За рулем лысый мужчина с раскрасневшимся лицом. Он осыпает меня проклятиями. Я кричу ему в ответ: «Прости, мужик!» – и иду дальше.

Какого черта я извинился. Да, мне следовало посмотреть по сторонам, прежде чем переходить, но он точно превышал скорость. Я показываю средний палец удаляющемуся грузовику. Слишком поздно, водитель этого уже не заметит.

Эта ситуация заставляет задуматься. Если бы я умер, хоть кто-то расстроился бы? Возможно, Гэв. Да, Гэву было бы искренне жаль. Джудит (бывшая, которая все еще общается со мной – «Ты прекрасный человек, Патрик. Но как парень отвратительный»), возможно, пустит слезу. Линетт? Не думаю, у нее ведь теперь есть этот каменщик. Кто-то еще? Бабуля Маккриди? Вряд ли.

Мне кажется, бабуля будет жить целую вечность. Точно дольше меня. Особенно если я буду продолжать в том же духе. И когда я действительно помру, думаю, она даже не заметит. Эта ее помощница по дому будет сочувственно вздыхать, а бабуля Ви ей такая: «Эйлин, ради бога, прекрати. Я очень занята – раскладываю салфетки».

Когда ты оказываешься на волосок от смерти, говорят, что вся жизнь проносится перед глазами, не так ли? Ну, со мной ничего подобного не произошло, все, что я увидел – это разъяренное лицо водителя. Но теперь я, по-видимому, начинаю осознавать произошедшее. Кадры из детства мелькают в голове в такт музыке в наушниках. Я вспоминаю пять своих приемных семей. Целых пять! Среди них были и до жути строгие, и напротив, совершенно равнодушные. Помню, меня заперли в комнате в доме Миллардов за то, что я выругался. Помню, как Дженни и Адриан Фэншоу читали мне нотации о том, какой я неблагодарный. Помню, как таскал деньги из бумажников Грегсонов. Знаю, это неправильно, но я не мог ничего поделать – я уже тогда подсел на наркоту. Я был трудным ребенком.

Но в целом все было не так уж плохо. У меня всегда были еда, крыша над головой и какое-никакое образование. Иногда я даже привязывался к людям, но по-настоящему никому не доверял. Никого из своих опекунов я бы не назвал родителями.

В семнадцать я начал работать на Чарли, местного автомеханика. Мне нравилось разбирать машины и снова их собирать. Чарли был хорошим парнем. Я работал у него четыре года до тех пор, пока он не разорился. Затем наступил период безработицы, потом я работал садовником какое-то время, потом сошелся с Джудит, потом снова с ней расстался. После Джудит появилась Линетт. Я впервые увидел ее, когда у нее сломалась машина, и она стояла посреди улицы, растерянно набирая номер на мобильном телефоне. Девушка выглядела испуганной (но не просто испуганной; она выглядела чертовски сексуально в своей короткой юбке, с взъерошенными волосами и надутыми губками). Я предложил помощь. Я ведь хорошо разбираюсь в машинах, так что я мигом открыл капот и все починил. Линетт влюбилась в мою мужественную угрюмость – по крайней мере, так она мне говорила. Сама-то она нелюдимой не была. Линетт была полной противоположностью Джудит во всех смыслах. Хорошо воспитанная, начитанная и целеустремленная. Мы довольно быстро съехались. То есть я переехал к ней. Она снимала эту огромную шикарную квартиру и работала юрисконсультантом. Пыталась «спасти меня», и это... ну, отчасти сработало. Во всяком случае, она приучила меня к здоровой пище. Никогда не думал, что подсяду на брокколи, но подсел! На какое-то время я даже полностью отказался от наркотиков. Справлялся с зависимостью с помощью бега и езды на велосипеде. Купил у Гэва хороший подержанный велик и заодно устроился к нему на работу. Линетт говорила, что это подойдет в качестве переходного этапа, но рано или поздно мне придется найти настоящую работу на полный рабочий день. Я все еще жду, когда это случится.

Теперь Линетт осталась в прошлом. Вместо этого у меня теперь ворчливая бабуля. Странно, да?

Очень сложно осмыслить тот факт, что Вероника Маккриди – мать моего отца. Честно говоря, я не так уж и много думаю о нем. Я вообще о нем ровным счетом ничего не знаю. Помню, как ребенком я пару раз приставал к маме с расспросами, кто мой отец, потому что у всех ребят в детском саду были папы, а где же тогда мой?

Мама всегда отвечала одинаково, коротко и резко: «У тебя нет папы». И сразу меняла тему. Только однажды она добавила: «Если бы он остался, все могло бы сложиться иначе». Но больше никогда этого не говорила.

Сперва мы с мамой жили в фургоне. Ну, знаете, такой старый обшарпанный фургон, припаркованный на заброшенном пустыре. Потом мы переехали в дом для малоимущих, но я мало что помню о нем, кроме того, что маме пришлось затыкать все щели старыми газетами, чтобы спастись от сквозняков. Но я все равно не чувствовал себя там как дома.

Мама перепробовала много разных работ, но подолгу не задерживалась на одном месте. Помню, ее настроение постоянно менялось. Она то распевала песни, то иступленно рыдала. Когда мне было шесть, незадолго до того, как она решила, что жизнь больше не имеет смысла, она зашла ко мне в спальню, где я строил кирпичный домик. Ее плечи были опущены, а щеки мокрые от слез.

– Патрик, – вздохнула она. – Мой дорогой мальчик, мне так жаль. Прости, что я такая бесполезная.

Я вообще не понял, что она имела в виду. Мне казалось, что у нее все отлично получалось. Она кормила меня, одевала, водила в детский сад и все такое. Но теперь я думаю, что это было для нее непосильным трудом – и в материальном, и в моральном смысле. Сейчас я понимаю: она многим пожертвовала. Например, общением с другими людьми. У нее не было друзей. Думаю, ей было одиноко. Она изо всех сил старалась скрыть от меня свое отчаяние, но, видимо, оно стало невыносимым. Потому что однажды мама оставила меня с няней – женщиной, которую я видел впервые. Помню, няня давала мне сосиски с фасолью в тот вечер и беспокойно поглядывала на часы. Потом целую вечность говорила по телефону. Вешала трубку и поднимала ее снова, все набирала и набирала какие-то номера. Ее голос звучал все более испуганно.

Женщина говорила мне:

– Не волнуйся, Патрик. Я уверена, что она скоро вернется.

А потом:

– Я уложу тебя спать. Мама вернется утром.

И потом, когда наступило утро и мама не вернулась, она сказала:

– Ну вот, Патрик, нам придется немного проехаться.

Меня передали каким-то другим незнакомым людям, которые взяли меня за руку и назвали храбрым мальчиком. Мне сказали, мама не вернется еще какое-то время. А потом сообщили, что, видимо, мама никогда больше не вернется. И только спустя время я узнал, что она напихала камней в карманы и утопилась в море.

Я добираюсь до автобусной остановки и стою там вместе с другими людьми. Все они выглядят так, будто держат все под контролем. Знают себе цену, вот что. Парень в костюме с галстуком держит свой черный зонт. Уверен, каждую субботу он водит жену с детьми в тайский ресторан. А вот парочка, держатся за руки. Им не терпится оказаться дома, чтобы сорвать друг с друга одежду. А эта женщина с осветленными волосами пишет своему парню: «Еду домой. Буду через двадцать минут». И ставит кучу поцелуйчиков в конце.

Мысль о том, что я снова один, вгоняет меня в тоску. Я полностью забыл Линетт, но должен признать, она контролировала каждую гребаную часть моей жизни. У меня просто не было возможности впасть в отчаяние, когда она была рядом. Теперь Линетт ушла, и жизнь снова погрузилась в холодную, жуткую тишину. Чувствую себя пивной бутылкой, в которой не осталась пива. Никому не нужный. Беспольный. Пустой.

Будни пингвинов

21 ноября 2012 года

Пингвины – смелые и упрямые существа. Они никогда не сдаются.

Взять, например, нашего одинокого черного пингвина – Уголька. Он все еще сидит в своем гнезде, терпеливо ждет и не теряет надежды, что однажды его принцесса вернется.

Есть еще вот этот смелый персонаж, которого вы видите на фотографии. Эта самка пингвина (которая может оказаться и самцом – трудно понять, но мне кажется, что это все-таки «она») решила залезть на очень крутой айсберг. Кто знает, почему ей показалось это таким важным? Ничто не могло ее остановить. Я наблюдала, как она поползла вверх по практически отвесному склону, добралась до середины и затем соскользнула обратно вниз. Приземлилась на бок, раскинув крылья в стороны. Ничуть не смутившись, она тут же вскочила на ноги и посмотрела вверх, на вершину. Ну уж нет, этому склону так просто ее не одолеть. Она прижимает крылья к туловищу, проходит вперед, скользит, проходит еще немного, падает на брюхо, снова встает. Последний отрезок склона был особенно крутым. Тогда она воткнула клюв в снег и подтянулась на нем, как на веревке. Не сказать, чтобы это выглядело изящно, но ведь сработало. Она все-таки добралась до вершины, и я, честно говоря, даже заплодировала, когда это случилось. Самка пингвина выглядела по-настоящему довольной собой.

Трудно не восхищаться такой целеустремленностью.

10

Вероника

Баллахеи

Июль 2012 года

Мне придется собрать всю свою решимость в кулак. Но так всегда, когда хочешь добиться чего-то действительно стоящего.

Помню, как в детстве думала, что чудеса будут происходить со мной просто так. Думается мне, многие люди питают подобные иллюзии. Они все уверены, что сейчас из-за угла выпрыгнет волшебник – вот-вот, осталось подождать совсем недолго. Правда, в моем случае эта иллюзия развеялась довольно рано. В какой-то момент, около семидесяти лет назад, все мои мечты превратились в пыль. События, произошедшие с тех пор, – это просто точки, отмеряющие этапы моей жизни. А жизнь – это цепочка незначительных событий, которые тянутся одно за другим и забываются через минуту после того, как случились. Сходить на прием к терапевту, стоматологу, окулисту, ревматологу. Постоять в очереди в супермаркете. Объяснить Эйлин, как стирать белье. Рассказать мистеру Перкинсу все о петуниях. Поспать. Почитать. Поразгадывать кроссворды. Собрать цветочную композицию. Выпить чай.

Я вообще предпочитала жить просто по привычке. И все эти дневники стали чем-то вроде оплеухи. Они напомнили мне о том, что давно забылось: о моей прежней энергии. С тех пор, как я прочитала блокноты, внутренний голос не умолкает. Он повторяет и повторяет: «Раньше ты была настоящим динамитом в человеческой оболочке. Ты смело бралась за любое дело. Шла наперекор судьбе, не боялась вызовов. Но сделала ли ты что-то по-настоящему стоящее за последние пятьдесят лет?»

Мне необходимо сделать что-то, пока не стало слишком поздно. Не просто решить, кому оставить свои деньги, но понять, что делать со своей жизнью, со временем, которое мне отведено. Я наивно полагала, что встреча с новоприобретенным родственником поможет мне решить обе проблемы сразу. Это была ошибка.

Необходимо найти план Б – цель, что-то вдохновляющее. К сожалению, на планете всего несколько вещей, которые отвечают этим критериям.

Одна из них появилась совсем недавно. Пока чищу зубы, поднимаю взгляд на зеркало над раковиной. Надпись все еще здесь, красуется прямо посередине зеркала.

– Почему бы и нет? – спрашиваю я у своего отражения.

Вероника Маккриди смотрит на меня в ответ, ее взгляд полон решимости.

Эйлин нацепила на себя безобразный комбинезон в бело-розовую клетку. От нее несет хлоркой.

– Вы хотите, чтобы я отмыла зеркало в ванной, миссис Маккриди?

Видимо, она специально спустилась вниз, чтобы задать мне этот вопрос. Я же пытаюсь найти свои очки для чтения, которые, как обычно, куда-то подевались.

– Эйлин, ты всерьез задаешь мне такой вопрос? – отвечаю я. – Вроде бы это твоя работа – мыть все, что испачкалось.

– Да, это я знаю, но там будто послание какое-то. Не была уверена, нужно ли оно вам. Что-то про медальон, остров, кого-то по имени Адель и... и... пингинов?

Не нравится мне ее тон. Наполовину встревоженный, наполовину изумленный. Она так разговаривает, когда думает, что я окончательно выжила из ума.

– «В этом безумии есть метод», – цитирую я. – Это из «Гамлета», чтобы ты знала.

– Нисколько не сомневаюсь, миссис Маккриди. Так что делать с надписью?

– Я оставила ее в качестве напоминания. Ручки и бумаги как обычно не было под рукой, когда они были больше всего нужны, так что пришлось проявить фантазию.

– Напоминания?

– Да. Конечно же, я и так об этом не забуду. Моя память на сто процентов надежна и никогда меня не подводит.

– Вы так все время говорите, – бормочет Эйлин себе под нос.

Я свирепо смотрю на нее.

– Можешь помыть все остальное зеркало, но не трогай надпись.

– Хорошо, вы правы. А к чему это напоминание, если позволите спросить? – Ее прежнее выражение лица сменилось на любопытное.

Вздыхаю. Если честно, то мне бы хотелось ответить, что не позволю, но, к сожалению, придется посвятить ее в свои планы. А что еще хуже, мне понадобится помощь Эйлин.

Рассказываю ей, что собираюсь отправиться на Южные Шетландские острова.

– Шетландские острова! – охает она и поеживается. – Боже праведный, миссис Маккриди! Вы полны сюрпризов. Какое странное место для отдыха! Ну поехали бы на Южные острова. Там, наверное, не так холодно, как на Северных.

– Нет же, Эйлин. – Придется объяснять ей на пальцах. – Южные Шетландские острова – отдельный архипелаг, который не имеет ничего общего с островами около Шотландии.

Теперь она окончательно растерялась.

– Они находятся в Южном полушарии, – сообщаю я.

– А, тогда все в порядке. Тогда там наверняка будет как на настоящем юге, – улыбается она. – Красиво и экзотично. Повсюду золотой песок и пальмы, конечно же. Я уж было подумала, что вы сошли с ума, миссис Маккриди!

Эйлин все еще не понимает.

– Южные Шетландские острова находятся в Антарктиде, – говорю я.

Какое-то я время пытаюсь убедить ее, что настроена серьезно и что шарики за ролики у меня не заехали. Когда эта титаническая работа завершена, я спрашиваю, не будет ли она так добра и не отправит ли электронное письмо на базу острова Медальон, туда, где останавливался Роберт Сэдлбоу.

– Думаю, ты сможешь найти нужный адрес в блоге, а блог найдешь через свой этот гугл-что-то-там.

– Да, миссис Маккриди, скорее всего смогу. На веб-сайтах обычно есть раздел для обратной связи. Но только если вы уверены, что действительно хотите этого.

– А я когда-нибудь была в чем-то не уверена?

– Ну, нет, миссис Маккриди, но...

Эйлин бормочет что-то, но мне не удастся разобрать, что. Люди в наше время так невнятно выражают свои мысли. Но я не прошу ее повторить. Не думаю, что упускаю какую-то невероятно умную мысль.

Мы находим мои очки (каким-то образом они оказались на холодильнике), я записываю все детали на листочке, потому что это лучший способ дать четкие указания Эйлин. Она знает, что если я пишу на бумаге, то дело очень важное.

Мысленно возвращаюсь к пингвинам. Я придумала себе важное и стоящее дело. Чувствую себя довольно счастливой.

11

Дорогие учёные,

недавно я посмотрела телепрограмму Роберта Сэдлбоу о вашем проекте, и меня глубоко тронула ваша работа по исследованию пингвинов Адели в Антарктиде. Я восхищаюсь вашим стремлением защитить этот вид – и вообще считаю защиту всех видов чрезвычайно важной задачей – и поэтому я решила, в случае, если ваша работа действительно окажется такой ценной, какой представляется мне сейчас, то проект унаследует от меня по завещанию внушительную сумму. Принимая это во внимание, я собираюсь посетить вашу базу в ближайшем будущем, чтобы получить дополнительную информацию и убедиться, что ваша работа достойна такого внушительного пожертвования. Я привезу с собой еду и все необходимое, но мне понадобится комната на три недели (желательно с ванной), и я хотела бы участвовать в ваших исследованиях и наблюдениях за пингвинами (в разумных для вас пределах).

С уважением,

Вероника Маккриди

Примечание:

Добрый день.

Меня зовут Эйлин Томпсон (миссис), я помощница миссис Маккриди. Миссис Маккриди попросила меня отправить вам это письмо, потому что сама не пользуется электронной почтой. Она пребывает в здравом уме и твердой памяти, но часто меняет свои решения, так что на вашем месте я бы не особо беспокоилась и не воспринимала все вышенаписанное всерьез.

С наилучшими пожеланиями,

Эйлин Томпсон

Дорогая миссис Томпсон,

спасибо за ваше письмо. Я был бы очень признателен, если бы вы передали миссис Маккриди наше почтение и наш ответ. Большое спасибо и самые теплые пожелания, Дитрих Шмидт.

Дорогая миссис Маккриди!

Мы рады вашей поддержке и счастливы, что вы заинтересовались нашим проектом по исследованию пингвинов Адели.

Однако условия в лагере ограниченные и чрезвычайно скромные – мы располагаем только самыми необходимыми удобствами. У нас мало горячей и холодной воды, о спальне с собственной ванной и мечтать не приходится. Мы были бы рады встретиться с вами, но не сможем принять вас так, как вы предлагаете.

Я прилагаю брошюру о пингвинах Адели, она может показаться вам интересной, и, конечно, мы будем благодарны за любой вклад в их защиту, сейчас или в будущем. Безмерно благодарен за проявленный интерес.

Дитрих Шмидт

Пингвиновед и глава команды острова Медальон

Господин Дитрих,

простите, что снова беспокою вас, но миссис Маккриди настояла, чтобы я отправила вам это письмо.

С уважением,

Эйлин

Дорогой господин Шмидт,

спасибо за быстрый и содержательный ответ. Как я упомянула ранее, ваш проект в конечном счете получит от меня семь миллионов фунтов, если мне понравится в вашем исследовательском центре. Я забронировала билеты до острова Короля Георга, а оттуда поплыву на пароме компании Blue Ferries. На остров Медальон я прибуду 8 декабря в 8.30 утра и буду очень признательна, если вы пришлете за мной одного из своих сотрудников и поможете мне добраться до вашей базы. Пожалуйста, не беспокойтесь об удобствах. Прожив последние пятьдесят три года (из моих восьмидесяти шести) на западном побережье Шотландии, я сумела воспитать в себе определенную твердость и легко живу в некомфортных условиях. Эйлин изучила климат на вашем острове и сказала мне, что во время антарктического лета температура колеблется около нуля, что не намного ниже, чем декабрьская температура здесь, в Айршире. Я, естественно, оплачу проживание и питание на время моего пребывания у вас. Аренда роскошной квартиры в Лондоне, насколько мне известно, стоит около 400 фунтов за сутки. Поэтому я буду платить вам по 400 фунтов за двадцать четыре часа моего пребывания. Поскольку вы упомянули, что удобства у вас самые базовые, не сомневаюсь, что это с лихвой покроет все расходы и неудобства, связанные с проживанием дополнительного человека в вашем исследовательском центре. Я с радостью покрою другие непредвиденные расходы, вызванные моим визитом. Все необходимые лекарства и все нужные для меня предметы быта я привезу с собой.

Я в долгу перед вами и с нетерпением жду своего приезда.

Искренне ваша,

Вероника Маккриди

Дорогая Эйлин,

мы напуганы и обеспокоены последним письмом миссис Маккриди. Хотя мы и чрезвычайно благодарны за ее великодушное предложение, но мы не можем принять ее на целых три недели. На самом деле мы не можем принять вообще никого, не говоря уже о человеке преклонного возраста. Хотя у нас изредка и бывают гости на острове Медальон, это совсем не туристическое место, и мы каждый день заняты нашими исследованиями. Я не сомневаюсь, что намерения миссис Маккриди великодушны и обещанная ею сумма невероятно щедра, но, пожалуйста, не могли бы вы объяснить ей, что этот план просто неосуществим.

С наилучшими пожеланиями,

Дитрих и команда острова Медальон

Уважаемый господин Шмидт,

мне очень жаль. Я действительно думала, что миссис Маккриди передумает. Обычно она так и делает, но в этот раз, похоже, зациклилась на своей затее. Бесплезно пытаться остановить ее, это только делает ее еще более решительной. Но, пожалуйста, не волнуйтесь. Она правда очень сильная и выносливая. В девяноста процентах случаев она «на коне», так что уверена, все не так уж страшно. Это всего на три недели.

Дорогая Эйлин,

Есть ли у миссис Маккриди какие-то родственники, с которыми мы могли бы связаться по электронной почте? Мы, конечно, не сможем запретить ей приезжать, но точно не хотим быть ответственными, если вдруг с ней что-то случится.

С наилучшими пожеланиями, Дитрих

Уважаемый господин Шмидт,

у нее есть только внук в Болтоне, но они совсем не видятся. Вот его электронный адрес на всякий случай.

Уважаемый господин Патрик (Маккриди?)

Полагаю, вам известно, что ваша бабушка, миссис Вероника Маккриди, забронировала билет на самолет в Антарктиду с явным намерением посетить нашу базу. Это нас очень беспокоит. Она может приехать и осмотреть наш исследовательский центр в течение часа, но я бы попросил вас объяснить ей, что трехнедельный или двухдневный визит будет невозможен из-за отсутствия у нас удобств.

Всегда хорошо, когда кто-то проявляет заботу о будущем наших пингвинов и о нашей научной миссии, но мы были бы крайне огорчены, если бы с ней случилось что-нибудь неприятное, пока она здесь. Помощница миссис Маккриди, Эйлин Томпсон, заверила нас, что она «на коне» девяносто процентов времени, но девяносто процентов может быть недостаточно. Я действительно думаю, что ваша бабушка не представляет себе, как здесь тяжело – холод может быть серьезной опасностью для любого человека в преклонном возрасте, вне зависимости от состояния здоровья.

Я искренне надеюсь, что вы сумеете отговорить ее и объяснить, почему мы не можем принять ее на более долгое время.

С уважением,

Дитрих Шмидт (пингвиновед) и команда острова Медальон

Уважаемый Патрик Маккриди,

пишу вам снова, так как не дождался ответа на предыдущее письмо и переживаю, что вы его не получили. Не могли бы вы, пожалуйста, связаться с нами по поводу вашей бабушки Вероники Маккриди как можно скорее.

Дорогая Эйлин,

мы попытались связаться с внуком миссис Маккриди, но безуспешно. Не могли бы вы сообщить миссис Маккриди, что мы не сможем принять ее во время ее визита в Антарктику, но мы желаем ей хорошей поездки.

Уважаемый г-н Дитрих,

мне жаль, что вы не смогли связаться с Патриком. Хотя не думаю, что это бы помогло. Миссис Маккриди очень тверда в своем намерении посетить вас и увидеть пингвинов. Боюсь, мне не удастся ее отговорить. Она и вправду очень независимая и упрямая. Вы поймете, когда познакомитесь с ней. Уверена, все будет в порядке.

Всего хорошего, Эйлин

12

Патрик

Болтон

Ноябрь 2012 года

Недавно случилось кое-что странное. На мой электронный ящик пришло письмо от какой-то организации под названием penggroup4Ant. Я не так уж часто получаю электронную почту, поэтому заинтересовался. Но рисковать не хотелось. Дело в том, что в прошлом месяце я почти сломал компьютер, открыв письмо с незнакомого адреса. Он буквально еле ожил. Грегу из компьютерного магазина потребовалось три

недели и 250 фунтов, чтобы разобраться с поломкой. Поэтому больше никаких писем.

Так что я предположил, что письмо – очередной спам, и сразу же удалил его. На следующей неделе, о чудо, пришло еще одно письмо с того же адреса. И я снова его удалил.

Сегодня вечером я готовлю себе чили кон карне. Только закончил нарезать чили, когда мне позвонила сиделка бабули Вероники – или как там она ее называет. Болтушка по имени Эйлин. Все говорит и говорит о каком-то там бабулином плане отправиться в далекое путешествие. Я не помыл руки, перед тем как взять трубку, и теперь пальцы щиплет из-за чили. Можно было бы по-быстрому свернуть разговор, но эта Эйлин не замолкает, даже чтобы выдохнуть. Она срывается на визг:

– Миссис Маккриди просто помешалась на этом. Все дело в той коробке, которую она нашла. Сама не своя с тех пор. Я знаю, что иногда она может быть странной, но это меня действительно пугает. Вы простите, что беспокою вас, но вы ведь ее внук, а я уже не знаю, что делать. Никогда не видела, чтобы она так загорелась какой-то идеей. А я думаю, вы уже поняли, она... ее так просто не остановить. Ждет-не дождется своей поездки в Антарктиду. И бесполезно пытаться спорить. Вы знаете ее. Если ей что-то запретить, это только укрепит ее решимость.

– Подождите минутку. Стоп. Притормозите! – Я уже в истерике. – Вы хотите сказать, что бабуля собралась в Антарктиду?

– Да, именно это она и планирует.

Я расхохотался в ответ.

Эйлин потрясенно замолчала, но потом продолжила:

– Вы должны попытаться остановить ее. Пожалуйста.

Это просто сюрреалистично. С головой у бабули все было в полном порядке, когда мы встречались, но я не эксперт. Как бы то ни было, не могу поверить, будто Эйлин всерьез думает, что это хоть немного меня касается.

– Думаю, она вольна делать что ей вздумается. – Я зачем-то машинально пожимаю плечами, хотя она меня и не видит.

– Вы должны что-то предпринять! – умоляет Эйлин. Никогда не встречал эту женщину, но мне она представляется коренастой, сердитой особой в фартуке, которая то и дело заламывает руки.

Я сбит с толку. Антарктида? Я знаю, деньги для бабули не проблема, но Антарктида?... Не самое типичное место для отдыха.

– Почему Антарктида? – спрашиваю я.

– Пингвины!

– Пингвины?

– Пингвины!

Я жду продолжения. Эйлин просить не приходится.

– Она исписала все зеркало в ванной напоминаниями про пингвинов. И связалась с людьми, которые их изучают. Увидела какую-то программу про пингвинов по телевизору. И просто помешалась на них. Хочет спасти этих птиц во что бы то ни стало. Но сначала собирается на них посмотреть.

– Простите. Но я вас вообще не понимаю.

В трубке слышится громкий нетерпеливый вздох.

– Миссис Маккриди буквально силой вынудила меня купить ей билет на самолет, паром и на все остальное. Я надеялась, все как-то разрешится, но ученые настаивают, что это невозможно. Это и правда непросто. Нельзя просто так взять и поехать туда. Но она думает, что можно. Думает, что сможет спасти пингвинов от вымирания, если она... В общем, это связано с деньгами... – Внезапно Эйлин замолкает, как будто что-то вспомнила. – Я просто подумала, что у вас, возможно, получится остановить вашу бабушку, – бормочет она.

– С чего бы она стала меня слушать?

– Ну, вы же ее внук. Единственный на свете внук. Вы должны хотя бы попробовать! – умоляет она.

Переубедить ее невозможно.

– Какая разница вообще, поедет туда бабуля или нет!

– Ученые! – выдыхает Эйлин. – Они говорят, что там невыносимые условия. Для всех, не говоря уже о пожилой даме. Миссис Маккриди заставила меня отправить им электронное письмо, в котором предупредила, что собирается к ним навеститься. Но ученые мне ответили, что не стоит. И ей правда не стоит. Но ваша бабушка заставила меня отправить им еще одно письмо, где сообщила, что поедет в любом случае и что им не о чем волноваться. Но, естественно, они волнуются. Я дала их главе – Дитриху – вашу почту. Вы разве не получали его писем?

До меня наконец-то доходит. Этот странный адрес, должно быть, был адресом Дитриха, который пытался связаться со мной в надежде, что мне удастся отговорить бабулю. У меня вырывается еще один смешок.

– Нет тут ничего смешного, – ворчит Эйлин. – Если с миссис Маккриди что-то случится, пока она там, на другом конце света со своими пингвинами, я никогда себе не прощу!

Видимо, Эйлин действительно любит бабулю. Должен признать, я и сам начинаю проникаться к ней симпатией, но пока она все еще перемежается неприязнью. Честно говоря, в ее словах есть здравый смысл.

– Эйлин, – говорю я. – Не переживайте. Уверен, все будет путем. Она ведь уезжает ненадолго, правда?

– Три недели! – вопит она.

– Значит... вот что я сделаю. Напишу этим ребятам ученым и пообещаю сделать все

возможное. Вы же можете проследить, чтобы бабуля взяла достаточно теплой одежды... э, таблеток... и всего, что может там пригодиться, договорились?

– Да, конечно, но вы ведь попытаетесь позвонить ей и уговорить никуда не ехать?

Мои звонки бабуле еще ни разу не увенчались успехом. Ну да, пока был всего один, но давайте начистоту – прошел он просто отвратительно.

– Вы сказали, что уже оплатили билеты? – спрашиваю Эйлин.

– Да.

– Тогда в этом нет никакого смысла, верно? Видимо, бабуля намерена отправиться на другой конец планеты, нравится нам это или нет.

Будни пингвинов

6 декабря 2012 года

Пингвины способны передвигаться по-разному. Большинство представляют пингвина, переваливающимся с боку на бок... да, иногда они именно так они и делают, находясь на суше. Их крепкие перепончатые лапы цепляются за землю особым образом, это помогает им двигаться по заснеженной и каменистой местности. Но пингвины сообразительные, и поэтому пользуются тем, что лед скользкий. Часто они плюхаются на живот и скользят вперед с большой скоростью. Проносящиеся на животе пингвины всегда вызывают у меня улыбку.

Я сделала этот снимок сегодня днем, когда навещала их колонию. Вы можете увидеть, что крылья пингвина прижаты к туловищу, а нижние конечности торчат сзади, и он время от времени отталкивается ими. Остальное делают законы физики.

Конечно, большую часть жизни пингвины проводят в воде. Идеально гладкие, эти ребята ныряют в море и выныривают в самый подходящий момент, их крылья могут выполнять функцию плавников. Под водой пингвины – настоящие мастера маневра. Они пикируют, парят и выполняют невероятные акробатические трюки. Могут оставаться под водой пятнадцать минут, не дыша, а потом выпрыгивают из воды по большой дуге, как дельфины. Иногда они переводят дух перед следующей подводной вылазкой, а иногда качаются на волнах. И это потрясающее зрелище. Наблюдать его – неподдельное счастье.

По пути в Антарктику

Декабрь 2012 года

Раньше мне нравилось путешествовать. Теперь же это вызывает смешанные чувства. Мой покойный муж возил меня в парочку экзотических мест, когда мы только начали встречаться: Сан-Франциско, Флоренция, Париж, Монако, Маврикий. В то время это казалось вполне сносным, но, увы, все приятные воспоминания оказались омрачены тем, что произошло после. Последние годы я и не помышляла о путешествиях. Хотя у меня нет проблем с авиаперелетами. Большой дискомфорт мне доставляют толпы людей.

Билеты на самолет теперь называются электронными билетами, с приставкой «е-». Раньше я думала, что она означает «эфир», или «волны» (мне казалось, что именно с помощью этих волн сообщения перемещаются в пространстве), но Эйлин говорит, что все не так. Видимо, «е-» означает «электронный». Теперь целая куча вещей имеет эту приставку. Или приставку «i» – «ай». Слова на «ай» просто повсюду: айфоны, айпады, айтюнсы, ай-когда-это-все-закончится. Все просто помешались на этих «ай» и уже не могут думать ни о чем другом.

Мы заказали билеты по телефону в бюро путешествий в Килмарноке. Там их подтвердили по электронной почте через Эйлин и отправили билеты на тот же адрес. А Эйлин в свою очередь распечатала их и отдала мне. Зачем все так усложнять – никогда не пойму.

Эйлин провожает меня на такси до аэропорта Глазго. Благодаря ей я приготовилась к своей экспедиции настолько хорошо, насколько это вообще возможно. Мы просчитали все до мелочей и запихнули все необходимое в чемоданы. Держа в голове, как настойчиво ученые подчеркивали, что их условия очень скромны, я захватила с собой немного вещей, которые приносят мне радость: банку свежего дарджилинга, несколько мятных кремов, три моих любимых сумочки и пару брусков мыла с иланг-илангом и гранатом. Мне пришлось раскошелиться на лучшую одежду для холодной погоды, которую только можно найти: термокофты из шерсти мериносо с длинным рукавом и подштанники им в комплект, несколько пар вельветовых и водонепроницаемых брюк (я, конечно, предпочла бы юбки, но, к сожалению, пришлось признать, что они непрактичны в условиях Антарктики), шерстяные водолазки двойной вязки, толстые кардиганы и довольно нелепый красный утепленный пуховик с капюшоном, который отлично сочетается с моей второй самой любимой сумочкой. Обувь, которую пришлось купить, – это особый вид ботинок, называется «унты». Вид у них неприглядный, но, судя по всему, они идеально подходят для экстремальных условий. Они прекрасно проявляют себя (Эйлин вычитала это в интернете и сообщила мне) на ледяной и каменистой местности. Разумеется, с ними я буду носить термоноски.

Еще я взяла с собой медальон. Решилась в последнюю минуту. Раз уж отправляюсь на остров Медальон, это кажется логичным. Я чувствую его у себя на груди, под кучей слоев одежды – так я носила его в прошлом. Как бы странно это ни звучало, мне кажется, что медальон будто питает меня той энергией и драйвом, которые были у меня в молодости.

Мы с Эйлин выходим из такси. Аэропорт переполнен продуктами в ненужной упаковке и по завышенной цене и людьми в униформе, которые обращаются ко мне «дорогая», что просто выводит меня из себя. Обо мне можно сказать много разных вещей, но уж

точно не «дорогая».

Мы приехали заранее, и Эйлин настаивает, чтобы мы зашли выпить кофе в одном из шумных кафе. Едва я выбираю единственный чистый столик, как вдруг, к своему ужасу, обнаруживаю перед собой высокого и неопрятного молодого человека.

– Бабуля, привет!

Вот это неожиданность.

– А вы здесь как оказались?

Он бросает взгляд на Эйлин.

– Одна птичка напела, что вы отправляетесь в южные льды. Так что я решил приехать вас проводить.

– Но зачем?

– Ну, вы ведь не поленились навестить меня. Я и подумал, что было бы неплохо... э-э, ответить вам тем же.

Лицо Эйлин стало пунцово-красным, и она изо всех сил старается не выглядеть предательницей.

– Я думала, вы обрадуетесь, миссис Маккриди, – лепечет она.

Не сказала бы, что радость – это то чувство, которое я сейчас испытываю. О чем он только думал? Не пытается ли Патрик втереться ко мне в доверие, чтобы занять денег? Неужели он думает, что такой поступок может как-то возвысить его в моих глазах?

– Я в самом деле восхищаюсь вашей смелостью, бабуля. Отправиться в такую даль, – смущенно бормочет Патрик, словно прочитав мои мысли. – И мне показалось, что вы достойны семейных проводов, раз речь о таком грандиозном путешествии.

Я внимательно изучаю парня. В его глазах искреннее желание угодить. Что же, возможно, я поторопилась с выводами.

Эйлин покупает кофе, и мы выпиваем его за высокопарной беседой. По крайней мере, могу сказать, что в этот раз Патрик приложил гораздо больше усилий, чем в нашу предыдущую встречу. Сегодня он не в рваной одежде, да и выглядит она относительно чистой, хотя и совершенно безвкусной. На футболке красуется надпись, что-то вроде «Спайки», хотя это может быть любое другое слово. Почему людям так нравится носить на себе рекламу? И уж чего я никогда не пойму, так это моду носить джинсы спущенными так, что видно половину пятой точки. Ну, хотя бы не курит травку. Здесь это запрещено.

Патрик спрашивает меня, холодно ли в Антарктиде в это время года, и продолжает засыпать другими бессмысленными вопросами. Несколько раз он пытается пошутить над пингвинами, но почти все его шутки оказываются неудачными. Они с Эйлин оба чрезвычайно напряжены и взвинчены и поэтому постоянно хихикают.

– Вы уверены, что с вами все будет в порядке, миссис Маккриди? – хнычет Эйлин.

– Конечно же уверена, – строго отвечаю я. – А даже если и нет, какая разница?

– О, не говорите так, миссис Маккриди! Большая разница! – Ее глаза наполняются слезами. Временами она бывает до нелепости сентиментальна.

Допив отвратительный кофе, мы направляемся в зал ожидания. Сиденья расположены слишком близко друг к другу, но они привинчены к полу, так что ничего не поделаешь. Устраиваюсь поудобнее и отгораживаюсь от других ручной кладью. Так себе защита, конечно. Уже через пару минут семья из пяти человек с орущими детьми нарушает мои личные границы, расположившись чересчур близко.

– Я положила все лекарства и ватные тампоны в синюю сумочку с нижним бельем, – сообщает мне Эйлин. Она говорит слишком громко.

– Да-да, знаю.

В данный момент я не имею никакого желания говорить о лекарствах и тампонах.

Семья из пяти человек, услышав слова Эйлин, просто просияла от восторга.

Патрик смотрит на часы:

– Прошу прощения, но мне нужно поскорее бежать на автобус, иначе придется ждать следующего еще полтора часа. – Он робко смотрит на меня. – Тогда я прощаюсь с вами, бабуля.

– До свидания, Патрик.

Он подается вперед, будто собирается обнять меня, но, к счастью, все же не решается.

– Берегите себя. Гм.. Пока! – прощается он и уходит.

Эйлин остается со мной до самой посадки. Не может взять себя в руки и постоянно перечитывает мое расписание и пытается объяснить что-то, будто я слабоумная. Мы заплатили за то, что на каждом этапе меня будут встречать и помогать с багажом. Это была идея Эйлин.

– Если сможете, сообщите мне, что добрались в целости и сохранности, миссис Маккриди.

Киваю. Не хочу ее лишний раз волновать.

– Я пришлю тебе открытку, если это будет возможно.

– Или, может, попросите этого приятного мужчину Дитриха отправить мне письмо?

– Как скажешь.

– Ах, миссис Маккриди, вот бы и мне поехать с вами! Я спросила об этом Дуга, но он только рассмеялся в ответ. И сразу же напомнил мне, как я плохо переношу полеты.

– Я не хочу, чтобы ты ехала со мной, Эйлин, и совсем в этом не нуждаюсь, – ласково заверяю я.

– Прошу вас, позаботьтесь о себе, миссис Маккриди, ладно? – всхлипывает она.

Эйлин всегда раздувает из мухи слона.

Я уверенно смотрю вперед. Увидев Патрика в аэропорту, я приняла решение. Я медленно и четко даю Эйлин наставления по поводу деревянной коробки. Ее лицо загорается любопытством, но вопросов она не задает.

– Я оставила тебе железную банку с тюльпанами на крышке и кое-что в конверте из плотной бумаги.

Моя помощница останется без работы на целых три недели, и я решила выплатить ей трехнедельное жалование. А вместе с ним подарить банку ее любимого шоколадного печенья с маршмеллоу.

– А теперь, Эйлин, уверена, тебе есть чем заняться. Уезжай!

– Хорошей поездки, миссис Маккриди, – бормочет она, утирая слезы намокшей бумажной салфеткой.

– До свидания, Эйлин.

Я наблюдаю, как ее широкая спина исчезает в толпе, а затем, сжимая посадочный талон в руке, отправляюсь в зал вылета.

Как хорошо, что я купила этот красный пуховик. Ледяной ветер, дующий на палубе, обжигает лицо.

Самолеты были битком, но все прилетели в место назначения вовремя. Весь обслуживающий персонал, нанятый мне в помощь, сработал безукоризненно (ну еще бы – они стоили нам целого состояния), хотя они вели себя чересчур угодливо, особенно последний. Вчера было настоящим облегчением выйти из последнего самолета и наконец-то сесть на паром. Открытое море нравится мне намного больше. Я уже видела горбатого кита, извергающего струю воды, тюленей, переворачивающихся на камнях, и парочку растрепанных пингвинов, сбившихся в кучу на берегах некоторых островков.

Сегодня я вышла на палубу пораньше. В моей маленькой, но хорошо оборудованной каюте мало интересного, поэтому я решила не страшиться холода. Небо усеяно еле заметными серыми облаками, их края напоминают узоры на мраморе. Огромные айсберги качаются на водной глади, они похожи на величественных морских чудовищ. Над головой кружат чайки. Волны бьются о борта парома. Вода рассыпается и звенит кристалликами льда. Наблюдаю, как белый цвет вокруг становится будто еще белее.

Я так поглощена своими мыслями, что подскакиваю от неожиданности, когда над моим плечом раздается голос:

– У меня аж мурашки по коже.

Это дородный мужчина, почти вдвое моложе меня, весь увешанный разной фототехникой. Киваю в знак согласия, хотя не уверена – имеет ли он в виду температуру воздуха или красоту пейзажа.

Мужчина бочком пробирается к краю палубы и возится со своим объективом. С одной стороны, я могла бы отойти, но ведь я первая сюда пришла. Он, видимо, намерен затеять разговор и думает, что я разделяю это желание.

– Смотрите-ка! – вскрикивает он, когда паром приближается к айсбергу в форме арки.

Не обязательно указывать мне, на что смотреть. Этот мужчина и сам толком не смотрит – слишком занят попытками сделать удачный снимок.

– Вау! Вот это красота!

Щелк, щелк, щелк.

– Вы ничего не фотографируете! – удивленно замечает он.

– Нет. Я предпочитаю увидеть что-то собственными глазами, а не через объектив огромного фотоаппарата.

– Ауч! – говорит он. – Подкололи. – И продолжает: – Но знаете, это прекрасное чувство – собирать коллекцию фантастических воспоминаний на будущее.

– Я не занимаюсь коллекционированием воспоминаний для будущего, – сообщаю я. – Мне и настоящего хватает.

Несмотря на утомительную болтовню, меня успокаивает вид этих поразительно пустынных пейзажей. Завтра я прибуду в место назначения. Во мне разрастается по-детски радостное предвкушение. Я так давно не пускалась в приключения.

14

Вероника

Остров Медальон, Южные Шетландские острова, Антарктический полуостров

Остров Медальон оказывается горным островом. Береговая линия местами неровная, местами гладкая. Паром пристал к берегу. Рядом с нами – узкая коса черного вулканического пляжа, припорошенного снегом. Замерзшие лужи и тонкие ручейки отражают тусклый свет. Никаких пингвинов я не вижу.

Я единственный пассажир, который должен сойти здесь, других нет. Вчера вечером была так называемая веселая вечеринка – ужасное сборище: громкая музыка, алкоголь и шатающиеся повсюду тела, так что, видимо, остальные пассажиры еще пытаются оправиться от похмелья. По счастливой случайности моя каюта оказалась вдали от эпицентра кутежа, и мне удалось спокойно выспаться, поэтому этим утром

я чувствую себя бодрой и полной сил.

Человек, выступающий в роли моего помощника на борту, – смуглое существо с умными глазами, которое едва говорит по-английски. Я велю ему погрузить мой багаж на маленькую надувную лодку, на которой мы доберемся до берега. Он недовольно машет руками и что-то бурчит себе под нос, но делает, как ему сказано. Затем он помогает мне усесться в лодку.

Мы качаемся на волнах, медленно приближаясь к острову, на берегу маячат две фигуры. Смуглое существо помогает мне выбраться из лодки и начинает разгружать багаж.

Какое все-таки облегчение почувствовать землю под ногами, хоть она неровная и каменистая. Благодаря унтам и полярной трости я могу легко передвигаться по местности, огибая скользкие водоросли, украшающие скалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66856178&lfrom=362673004) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.